

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

ПРИЧИНА
надеяться

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ОДНА ИСТИННАЯ КОРОЛЕВА»

Дженнифер Бенкау

Причина надеяться

Серия «Liverpool-Reihe», книга 2

Серия «Young Adult. Причина любить.

Романтика Дженнифер Бенкау»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69703486

ISBN 978-5-04-186312-8

Аннотация

Ханна хранит мрачную тайну, о которой знают только ее родные. Она хочет начать все с чистого листа. Но прежние мечты кажутся ей несбыточными: зарабатывать музыкой и песнями, путешествовать по миру и жить, не оглядываясь на свое прошлое.

Поэтому, когда невероятно красивый и очаровательный Сойер, владелец небольшого паба в Ливерпуле, предлагает ей работу певицы, она хватается за эту возможность.

Постепенно Ханна начинает узнавать Соейра, и ее тянет к нему все больше и больше. Но она боится открыть ему свое сердце.

Сможет ли она забыть об ошибках прошлого и отдаться во власть любви?

Содержание

Предупреждение о триггерах	5
Дорогие читательницы и читатели,	6
Часть 1	7
Ханна	8
Сойер	25
Ханна	35
Часть 2	42
Сойер	43
Ханна	58
Сойер	71
Ханна	84
Ханна	92
Сойер	97
Ханна	105
Сойер	119
Ханна	125
Ханна	129
Сойер	139
Часть 3	151
Ханна	152
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Дженнифер Бенкау

Причина надеяться

A REASON TO HOPE

Jennifer Benkau

A Reason to Hope / The Liverpool Series с 2022

Ravensburger Verlag

GmbH, Ravensburg, Germany

Перевод с немецкого Ирины Офицеровой

Художественное оформление Янины Клыга

© И. Офицеровая, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Предупреждение о триггерах

В книге затрагиваются темы, которые могут сработать как потенциальные триггеры. В конце книги находится отсылка к этим темам.

ВНИМАНИЕ! Отсылка содержит спойлер к сюжету романа.

*Всем нам,
кому порой не хватает
по-настоящему хороших друзей.
На пару часов я одолжу вам своих.*

Дорогие читательницы и читатели,

я не уверена, что вас действительно нужно предупредить, о чем эта книга. Но кто я такая, чтобы об этом судить?

Речь в этой истории пойдет о музыке и тишине. О страхах, оковах и панических атаках, а также о смелости, стремлении к свободе и желании разрушать границы. Персонажи в ней, разумеется, не все делают правильно. Да и кто, в принципе, делает все правильно?

Перечень тем, которые могут стать потенциальными триггерами, вы при необходимости найдете на странице 506 – однако там содержатся спойлеры к сюжету.

От всей души благодарю своего бета-ридера, отвечающего за специфичную проблематику, Джоанну М'Баку.

С любовью,

Дженни

Часть 1

Когда я впервые попал в Ливерпуль,
Я сразу пошел кутить.

С трудом добытые гроши спустил я на раз, два, три,
Пил так, что не мог больше пить.

Но стоило всем деньгам уплыть, захотел я большего
вскоре.

И лишь ослепнув совсем, можно решиться затем
Опять вернуться в море.

Опять, опять, опять вернуться в море.

И лишь ослепнув совсем, можно решиться затем
Опять вернуться в море.

Отрывок из песни Off to Sea Once More;

Народная песня английских моряков – шантти

Ханна

«Никто не умрет девственником. Жизнь всех поймет».

Поезд трогается, и нарисованный аэрозольной краской портрет Курта Кобейна рядом с его же цитатой, на буквы которой я смотрела последние двадцать минут с другой стороны окна, уезжает дальше без меня.

На вокзале Лайм-стрит полно людей. Сотни голосов, стук и визг колес по рельсам и шум тысяч шагов по камню эхом поднимаются вверх. Под стеклянным куполом звуки превращаются в густую серую массу, как тесто, если его месить слишком долго. Еще пара-тройка безобидных звуков, и вся эта хрень обрушится на нас сверху. Я невольно втягиваю голову в плечи, желая спрятаться под курткой от какофонии вокруг.

Но идти на попятную уже поздно, так что я направляюсь в сторону нужной платформы. Уворачиваюсь от студентов, компаний увешанных фотоаппаратами туристов и людей с рюкзаками, идущих по следам *The Beatles*.

Ощущение возвращения домой, которое я втайне надеялась почувствовать по приезде в Ливерпуль, так и не появилось.

В поисках чего-то знакомого выхожу в главный зал вокзала. Джинсы, которые стали велики, с каждым шагом сползают все ниже на бедра. А когда я наконец оказываюсь пе-

ред Costa Coffee¹ и отмечаю, что тут пахнет как всегда – как раньше, – становится понятно: Ливерпуль остался прежним, но, несмотря на это, я больше не чувствую себя здесь как дома.

Потому что *я сама* уже не та.

Среди светящихся оранжевых букв и мелькающих цифр ищу нужный поезд: Северная линия, в сторону северо-западного Уигана. «Следующий придет примерно через двадцать минут», – выясняю я, пока ищу в кармане парки кошелек, чтобы заплатить три фунта за кофе – действительно хороший кофе из свежемолотых бобов и горячего вспененного молока. Вау. Одна мысль об этом просто невероятна. Однако все остальные строки на табло все еще приковывают к себе внимание, а названия городов словно нашептывают мне на ухо тихие обещания, так что я застываю с монетами в руке.

Лидс. Лондон. Глазго.

Вроде бы так легко сесть в какой-нибудь поезд и уехать подальше отсюда. Куда-нибудь, где меня никто не знает и где можно просто начать все заново.

Но прежде чем воображение добирается до момента, в котором я зарабатываю себе на жизнь при помощи старой, купленной где-то по дешевке гитары, его резким голосом оживает мозг: «Тебя не было рядом, чтобы держать бабулю за руку в ее последние часы. Тебя не было рядом, чтобы выслушать слова, которые она, возможно, хотела тебе сказать.

¹ Британская сеть кофеен. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Тебя просто не было. А теперь ты мечтаешь о побеге, хотя последнее, о чем она просила тебя, – спеть на ее похоронах. Неужели ты всегда была такой отчаянной эгоисткой, Ханна? Или это они с тобой сделали за тот год, пока...»

– Эй, осто..!

Не успеваю я дослушать оклик или хотя бы что-то понять, как в меня кто-то врзается, больно ударив по груди и плечу. У меня выбивает весь воздух из легких. Столкновение такое сильное, что я падаю и жестко приземляюсь на пятую точку. Монеты со звоном рассыпаются по каменному полу, а ладони простреливает обжигающая боль.

– Вот черт, прости, пожалуйста! Извини, изви... – Виновник столкновения приблизительно моего возраста. Он хватает меня за руку, нерешительно тянет, но тут же отпускает, прежде чем я достаточно приподнимаюсь, чтобы встать на ноги. – Извини! Но тот бродяга... Я просто пытался его догнать. – Он лихорадочно мечется вокруг меня, подбирая рассыпавшиеся деньги. Потом тянет меня за руку и наконец поднимает. Пожилая дама и мужчина с длинными кудрявыми волосами, разгуливающий босиком, невзирая на температуру чуть выше нуля, тоже предлагают помощь, но я отказываюсь.

– Все хорошо, спасибо. Все в порядке. – Они так дружелюбны и внимательны, что становится неловко.

– Как мне загладить свою вину? – У парня большие темные глаза, и он, похоже, искренне переживает из-за нашего

столкновения.

– Да ничего страшного. – Я выдавливаю улыбку, пытаюсь не смотреть на свою ладонь. Кажется, там ссадина. Но если этот бедолага увидит хоть каплю крови, то, наверное, хлопнется в обморок.

Он все еще держит меня за рукав и теперь неуклюже сует монеты в здоровую руку.

– Мне правда очень жаль.

– Я не поранилась. – Не сильно, по крайней мере. Я указываю рукой в сторону лестниц позади нас, которые ведут к платформам. – Ты опаздывал, да? Поезд уходит?

Парень пару секунд в замешательстве смотрит на меня, затем мотает головой.

– Хотел догнать этого ублюдка. Он украл у меня мобильный.

– Черт, сочувствую. Но у входа всегда стоит охрана. Подойди к ним.

– Точно все в порядке? – После моего кивка он бормочет последнее извинение, а потом уходит в направлении главного выхода: в этот раз тоже бегом, но хотя бы смотрит под ноги.

Ладонь щиплет, а на заднице к завтрашнему дню, кажется, расцветет сине-зеленый синяк. Желание пить кофе пропало. Решив сразу пойти на перрон, я собираюсь убрать деньги обратно в кошелек, а когда запускаю руку в карман парки, меня вдруг охватывает холод. Ледяной холод.

Черт.

Черт, черт, черт.

Карман пуст. Другой тоже, а беглое ощупывание всех оставшихся подтверждает, что в маленький узенький внутренний карман или в карман штанов я кошелек не зачихнула. Он исчез! Обвожу взглядом пол в том месте, где упала, хотя в этом нет нужды. Естественно, я уже давно сообразила, что он не вывалился из кармана. Мне хочется кричать от ярости на саму себя. Я напоролась на мелкого грязного мошенника! Я! Всего год меня не было в городе, и вот я уже попала на трюк одного из этих мерзких гадов, как какая-то туристка.

Злость на собственную наивность на какое-то мгновение бьет сильнее, чем потеря денег. В кошельке все равно лежало не больше десяти фунтов. А потом я осознаю, что еще находилось внутри. Мои документы. И билет в Сент-Хеленс, где всего через полтора часа начнутся бабулины похороны. Без последней песни от меня, если я вовремя не доберусь до кладбища.

На глаза неожиданно наворачиваются слезы. В судорожно стиснутом кулаке осталось три фунта. Этого не хватит на новый билет. Все это просто не может быть правдой!

Несколько человек в офисных костюмах оттесняют меня с дороги, и я едва не спотыкаюсь о маленькую лохматую собаку возмущенно ругающейся женщины.

– Соберись, – шепчу я самой себе. – Ты споешь для ба.

Думай! – Пес оглядывается на меня, как будто я разговаривала с ним.

Просто. Думай.

Я спешу к главному входу. У меня нет ни малейшей надежды снова увидеть воришку. Да и что бы я тогда сделала? Поймала бы его и избила? Просто смешно. Тем не менее я быстро заглядываю в каждый мусорный бак в вестибюле и на привокзальной площади, где ледяной январский ветер хлещет каплями дождя мне в лицо.

– Давай же, – бормочу я. Карманники охотятся за деньгами и кредитными карточками. От всего остального они стремятся быстрее избавиться и выбрасывают. Но мои поиски так и не увенчались успехом, а нищий, которого я от отчаяния спрашиваю, куда побежал молодой человек с темными волосами, по понятным причинам растерянно смотрит на меня и молчит. Я кладу ему в руку фунтовую монетку – она мне уже погоды не сделает – и ухожу обратно в здание вокзала.

Будь у меня с собой хотя бы телефон, я могла бы позвонить маме и сказать, что опаздываю. Но как мне теперь вообще попасть в Сент-Хеленс?

Автостоп? Меня мутит при мысли о том, что нужно будет сесть в машину к абсолютно незнакомому человеку, но хотя бы один вариант уже есть, и это успокаивает.

А потом в голову приходит идея получше.

Незаметно оглянувшись по сторонам в поисках службы

безопасности, я никого не обнаруживаю. Может, у них сейчас перерыв на завтрак?

Просто буду смотреть в оба... а даже если кто-нибудь поймает, вряд ли такой проступок стоит того, чтобы записывать мои персональные данные. Да и как, если у меня украли документы?

На полу нахожу маленькую картонную коробочку из закуской, которая выглядит почти неиспользованной. Сойдет. Разве может у кого-то постоянно быть при себе шляпа? Разве что у Хейл. Но у меня уже давно нет.

Раньше я легко зарабатывала деньги, играя музыку на улице. И тогда у меня далеко не каждый раз была лицензия на право выступать там, где спонтанно захотелось сыграть. Но всегда все проходило хорошо. Обычно тебя просто прогоняют со снисходительной улыбкой.

И все же сердце быстро и сильно колотится, пока я осматриваюсь в поисках подходящего места. Понятия «обычно» для меня отныне не существует. Вычеркнуто, потеряно. Навсегда.

Участок между Pasty Shop² и расписанием идеален: в пределах слышимости длинных рядов сидений, где множество людей дожидается отправления поездов. Если бы только у меня так не сбилось дыхание... Как я буду петь?

Без гитары чувствую себя неполноценной. Как будто показываюсь этим людям топлес.

² Сеть закусочных в Великобритании.

Хейл бы все равно не колебалась. Она бы просто спела, погрузилась в мелодию и пустила чувства и ноты по залу. Ко всем людям, открытым для музыки.

Наверное, я просто себя обманываю. Наверное, настало время смириться с тем, что Хейл больше нет. Что осталась только Ханна. Кем бы она ни была без Хейл.

Я даже не знаю, что спеть.

Но я слишком хорошо помню мамин голос по телефону. Как он сломался, когда она сказала мне, что в свои последние часы бабушка едва могла говорить. Но одно она все-таки сумела произнести: я должна вернуться, только на один день, на ее похороны. Она хотела, чтобы там, несмотря на скудные знания французского, я спела *Le Moribond*, песню о прощании, которая упорно отказывается звучать меланхолично или траурно. Как радостные детишки в первый летний день, звуки будут танцевать над кладбищем, и я точно знаю, почему для ба это так важно: пусть бледные дохлые скелеты в земле поймут, что с покоем загробной жизни покончено. Потому что теперь там Мод Эдисон, а ее имя означает громкую музыку на разных языках, язык без костей, кроссовки на скачках, а еще новую шляпу и дорогую сигару на каждый праздник. Да, остальных призраков действительно необходимо подготовить к прибытию бабули.

И поэтому я приеду вовремя.

Я выдыхаю. Обвожу взглядом толпу ожидающих. Местных мало, студентов почти нет. По большей части туристы.

О'кей, значит, решено. *The Beatles*. Они сами напрашиваются.

Я мнусь на месте. Еще раз осторожно переступаю каждой ногой, чтобы почувствовать твердый пол, и напоминаю себе о том, что много лет назад сказала бабушка, когда я впервые почувствовала страх перед сценой и готова была сбежать с нее, не успев издать ни звука.

«В штаны наложила? – ласково спросила тогда она. – Взгляни-ка на всех этих людей. Они бы все наложили в штаны. Полные штаны, до самых краев! Но ты будешь петь вопреки всему, и только за это они тебя заважают. Потому что ты одна из немногих, кто не отступает даже с полными штанами!»

– Я не отступлю, ба, – шепчу я. А потом начинаю петь *Yesterday*.

Первая строчка дрожит. Я пою слишком тихо, чтобы пробиться сквозь гул сотен голосов и множество других звуков. Однако затем происходит волшебство, которое всегда творит со мной музыка. Несмотря на долгое время, когда я не пела, магии требуется всего пара мгновений, чтобы вернуться. Это случается само по себе, словно рефлекс, которому я бы не смогла сопротивляться, даже если бы захотела.

Мой взгляд устремляется внутрь. Люди, голоса и шум пропадают, а мое пение становится громче, тверже. И его слышат. Я больше не чувствую страха, тревоги и неуверенности. Все мысли теперь наполнены грустными словами пес-

ни и мелодией, которая выталкивает эти эмоции наружу.

Не сосчитать, сколько раз я пела на улицах *Yesterday*. Вряд ли есть песня, которую туристы заказывают чаще. И я всегда стараюсь исполнить ее чуть-чуть иначе. Привнести в нее что-то особенное, что-то уникальное.

Я одариваю улыбкой двух женщин, которые бросают звенящие монеты в картонную коробочку.

Когда пою, я не обращаю внимания на людей намеренно, но это не означает, что я их не замечаю. Что-то внутри улавливает, как они слушают меня, что им больше всего нравится, а иногда кажется, что я ощущаю, на каких моментах у них бегут мурашки. Я впитываю все это и вкладываю в голос частичку своей публики, возвращаю ее им. Иногда усиливаю какое-то место, некоторые строки пою тише или меняю интонацию. Из-за этого каждая песня получает свою крупицу магии, нечто неповторимое, что возникает лишь благодаря людям, которые меня слушают. Но того, что творится сейчас, не случилось еще никогда прежде. Эта старая, сотни раз спетая и тысячи раз услышанная песня, которая на самом деле уже давно мне надоела... она вдруг меня *трогает*.

Впервые я чувствую песню каждой клеточкой тела и в самых далеких уголках души. И дело не только в том, что прошло много времени с тех пор, как я в последний раз пела, и поэтому чувствовала себя совершенно истощенной, а сейчас впитываю каждую ноту, будто одна лишь музыка способна полностью вернуть меня к жизни... дольше, чем на короткие

две минуты, за которые поется песня. Дело в том, что сегодня я познала ее душу. Сегодня я поняла, что значит тосковать по прошлому, которое давно позади. Недостижимо далеко, потому что ты совершил одну-единственную ошибку, и теперь никогда уже не сможешь быть тем человеком, которым был раньше. Которым хотел быть.

Несколько человек аплодируют, возвращая меня в настоящее.

Я быстро-быстро моргаю, чтобы сдержать слезы. Песня давно подошла к концу, и я с облегчением выдыхаю, ведь монет в коробочке, если сложить их с теми, что лежат в кармане, хватит на билет до Сент-Хеленса. Поезд, на который я собиралась сесть, должен уже отправляться, но следующий придет всего через двадцать минут, и мне хватит времени, чтобы добраться до кладбища.

– Споешь еще одну песню? – неразборчиво из-за печенья во рту спрашивает маленький мальчик лет, наверное, пяти или шести.

– Нет, прости. Мне нужно успеть на поезд.

– Жаль. – Мама кладет малышу монету в ладошку и показывает, куда ее бросить, после чего они уходят. Другие слушатели уже разбрелись. Рядом стоит только один парень, словно чего-то ждет. На нем теплая коричневая парка и горчично-желтая шапка-бини, и он смотрит на меня, пока я проверяю, нет ли поблизости сотрудников службы безопасности, а потом поднимаю заработанные деньги. Дрожащими

руками, как будто краду.

Парень по-прежнему стоит на месте, засунув большие пальцы в карманы парки.

– А ты поешь что-то еще, кроме *Beatles*?

Я мотаю головой, во рту почему-то пересохло.

– Не сегодня, нет. Мой поезд...

– Я имею в виду не сейчас. В принципе.

Обычно в голову быстро приходят ответы, когда со мной кто-то заговаривает. Язык у меня хорошо подвешен. Находчивость – это первое, чему учишься, когда растешь в Кикрдейле³. Но сейчас... Что-то изменилось в бормотании и гуле окружающих звуков, и у меня появляется ощущение, будто все люди слышат, что я говорю.

– Что ты еще поешь? – спрашивает парень, и я понимаю, что выбивает меня из колеи. Его голос. Гортанные звуки ливерпульского акцента у большинства мужчин звучат резко. У него же в них чувствуется что-то мягкое, будто кто-то прижимает шершавую ткань к плавному изгибу.

Мне бы очень хотелось запретить мозгу подбирать картинки к голосам, тонам и звукам, но, скорее всего, проще перестать дышать.

– Я правда не хочу тебя забалтывать, – произносит он, и что-то внутри меня отвечает: «А жаль». Мне действительно нравится слушать, как он говорит. Его голос вызывает в голове приятные образы, которые вытесняют зловещие.

³ Район Ливерпуля.

– И тебе надо успеть на поезд, верно?

Я смотрю на большие часы под стеклянной крышей. У меня осталось где-то пятнадцать минут.

– Все нормально, мне... – Когда я снова поворачиваюсь к нему, его взгляд встречается с моим и удерживает его, а слово, которое я только что хотела сказать, будто испаряется.

У него зелено-карие глаза, и то, как он смотрит в мои, просто не позволяет отвернуться. Я даже *думать* о чем-то другом не могу. В этих глазах светится искренний интерес, любопытство... и ни капли навязчивости.

– Нет, я пою не только *Beatles*. Мне даже не нравится петь *Beatles*. В смысле, ничего не имею против *Beatles*. Но...

– ... туристы ничего другого не хотят, – заканчивает мое предложение он. – Рано или поздно их перерастаешь.

И этим все сказано.

– Я почему спрашиваю... – Парень улыбается, и я чувствую легкое смущение. – У меня свой паб в гавани, и я часто помогаю городским уличным музыкантам.

– Если они не поют *Beatles*.

– Суть ты уловила. – Задумавшись, он издает короткий звук, низкий и напевный, который почему-то приятно отзывается у меня в животе. – Может, тебя это заинтересует?

– Паб, значит, – не очень-то остроумно откликаюсь я. У него *уже* есть паб? По-моему, ему примерно лет двадцать пять, как в таком возрасте можно открыть свое дело? Но ему это даже подходит. Трех- или четырехдневная щетина под-

черкивает угловатую челюсть. Хотя он низко надвинул на лоб шапку, под ней все равно видно несколько колечек в левом ухе и одно в правой брови. Я чертовски хорошо могу себе представить, как, подвернув рукава рубашки, он разливает пиво или смешивает коктейли и одаривает каждого посетителя в баре этой открытой улыбкой.

– «У Штертебеккера», – говорит парень.

Однако *мне* это совершенно ни о чем не говорит. Что это вообще за слово? Пока его произнесешь, язык в узел завяжется.

Он склоняет голову набок.

– Ты ведь здешняя, ты не могла о нем не слышать. – На мгновение он выглядит абсолютно уверенным, затем эта убежденность дает трещину и уступает место глубокому удивлению.

– Меня какое-то время не было в городе. – Щеки у меня пылают, и, невзирая на холод, это не самое приятное ощущение. Не хочу, чтобы теперь он спросил, в какой глуши я жила, раз не знаю его явно ультрапопулярный паб. Потому что это, черт возьми, недалеко от правды.

Но затем он раздражается громким смехом и одновременно качает головой.

– Нет, ты его не знаешь. Никто его не знает.

– Секретное место, так?

– Что-то типа того. Я и неизвестных местных музыкантов тоже поддерживаю. Они мне нужны. Иногда они спасают мне

за... ведение.

– Заведение, ясно.

– О'кей. Задницу тоже. – Он смеется, и я не могу не улыбнуться в ответ. Это, впрочем, приводит к тому, что я резко осознаю, чем сейчас занимаюсь. Бабуля умерла. Через час незнакомый священник начнет говорить о ее добрых делах, но, вероятно, упустит из виду все ее милые причуды. Потом мы опустим ее тело в ледяную, промокшую от дождя землю, а...

У меня сжимается горло.

А я флиртую с первым же скаузером⁴, которому нужно от меня больше, чем просто стащить кошелек?

Внезапно мне становится нечем дышать. Сердце стучит быстро и сильно, но кажется, что оно практически не качает кровь по моему телу. Похоже, где-то она останавливается. Пальцы покалывает от пронизывающего холода.

– Честно говоря, плачú я мало. И в «У Штертебеккера» никто важный тебя не заметит. Но я ведь и не обещаю тебе головокружительную карьеру – хотя ты, без сомнения, и так достаточно хороша, – а прошу тебя на один вечер спасти мою задницу. Эй, все в порядке? – Он встревоженно смотрит на меня, протягивает руку к моему плечу, а потом снова убирает. Наверное, заметил страх на моем лице. – Ты побледнела,

⁴ Скауз – так называемый ливерпульский или мерсисайдский английский; акцент и диалект английского языка, распространенный в графстве Мерсисайд, крупнейшим городом которого является Ливерпуль. Скаузерами называют тех, кто говорит на скаузе.

с тобой все хорошо?

Сглотнув, я заставляю себя дышать и киваю.

– Да, все нормально. Я просто... Мне правда надо успеть на поезд. Отстойный выдался день. – Понятия не имею, как мне исполнить желание бабули и хотя бы наполовину правдоподобно спеть под дождем над ее могилой *Le Moribond*. Мысль об этом уже сейчас вызывает у меня слезы на глазах.

– Извини. – Он говорит это тихо и спокойно. Слово звучит искренне. – Не хотел тебе докучать. Могу я что-нибудь сделать, чтобы твой день стал чуть лучше?

– Спасибо, но нет, вряд ли. – Я указываю налево, в направлении лестниц. – Мне пора спускаться.

– Ладно, тогда желаю тебе, чтобы дождь закончился. Может... это поможет?

Улыбка лишь мельком появляется у меня на губах, но я все равно ее чувствую.

– Да, поможет.

– Делаю что могу.

Я едва не рассмеялась от его серьезного вида.

– А если мне удастся улучшить январскую погоду... ты не спасешь на один вечер мой паб?

Нет, скорее всего, нет.

Мой ответ должен прозвучать очень четко. Я не смогу ему помочь. Но в горле что-то мешается и не дает сказать «нет». У меня получается только кашлянуть.

– Просто подумай об этом. – Он роется в большом карма-

не своей парки. Я не хочу слишком внимательно наблюдать за тем, что еще он вытащит оттуда, кроме смартфона, связки ключей, квитанций и на вид не особо использованных носовых платков, но наконец он находит то, что искал, и вручает мне спичечный коробок с картинкой в тонах сепии. Я беру его кончиками пальцев и надеюсь, что он этого не заметит. Или по крайней мере не поймет неправильно.

Над рисунком парусника среди могучих волн полукругом тянется надпись: «У Штертебеккера». На обратной стороне находятся адрес и номер телефона. И имя: Сойер Ричардсон.

– А если передумаешь, позвони мне. Спроси Сойера и не верь ни единому слову обо мне от других лузеров, которые могут взять трубку. – Он широко улыбается. – Впрочем, не бери в голову, с сегодняшнего дня на звонки буду отвечать только я сам.

Еще одна незапланированная улыбка мелькает у меня на губах. Но его слова звучат как-то... радостно. С надеждой, будто он уже с нетерпением ждет, когда я ему позвоню. К сожалению, это произойдет еще нескоро.

– Я не останусь в Ливерпуле, – говорю я, чтобы он не надеялся понапрасну. – И мне правда пора идти.

– Конечно. Удачи. А если вдруг снова окажешься в городе... – Он опять смеется. – А, не важно. Ты из Ливерпуля. Рано или поздно ты вернешься.

Сойер

Я совершенно не вижу проблемы в том, что сестра подождала меня пару минут. Однако взгляд, которым она теперь пытается испепелить меня через весь вокзал, почти вынуждает пожалеть о своем поступке.

За месяц до Рождества Зои снова официально поселилась в Ливерпуле, но до сих пор притаскивает горы вещей всякий раз, когда навещает друзей и подруг в Лондоне, где раньше училась. Громадный вещмешок, с которым она приехала сегодня (помимо рюкзака и небольшой дорожной сумки), даже издали выглядит как веская причина попросить ее подвезти, вместо того чтобы ехать на автобусе. Я не совсем понимаю, почему она не осталась в Лондоне, пока ее парень тоже не сможет переехать. К новой работе Джонатан приступит только в начале лета. Но у Зои на все есть свои аргументы, что бы она ни делала. Когда я о них узнаю – это уже другой вопрос.

По крайней мере, подойдя поближе, я понимаю, почему Зои позвонила мне, а не родителям, которые рвались исполнять каждое ее желание, с тех пор как она наконец-то вернулась домой. Снаружи на этом чудовищном мешке болтается шлем для верховой езды. При виде такого более чем прозрачного намека на то, что Зои опять села на лошадь, наша мать наверняка разоралась бы на полвокзала. Признаюсь,

мне тоже не особенно нравится эта идея.

– Рад видеть тебя, сестренка. Как Лондон? Прекрасно выглядишь. – Шансы на успех ничтожны, но я должен хотя бы попробовать прикинуться, будто даже не понял, что опоздал. Я наклоняюсь к ней, чтобы обнять.

– А десять минут назад выглядела еще лучше, – ворчит она, целуя меня в щеку с тем самым видом, при котором я всегда задаюсь вопросом, не хочет ли она одновременно сломать мне челюсть. – Тогда я еще не посинела от холода.

Снова выпрямившись, я смотрю на нее.

– А тебе идет этот синий оттенок. Носи его чаще.

Она театрально вздыхает:

– Ну ты хотя бы очарователен, когда кидаешь меня.

– Не преувеличивай, я же здесь. И опоздал максимум минут на пять. Меня задержали.

Зои смотрит как-то слишком любопытно, и мне кажется, будто она все уже поняла, поскольку то, из-за чего я задержался, так и не выходит у меня из головы. Она с раннего детства умела видеть меня насквозь. Как только Зои родилась, у меня, тогда еще трехлетнего пухляша в коротеньких штанишках, возникло ощущение, что она все обо мне знает.

– Минимум на восемь минут. Скорее даже на девять. И эти восемь, а скорее даже девять, минут вызывают у меня вопросы, Сойер.

– Так и знал. – Я перекидываю вещмешок Зои через плечо и уже тянусь за сумкой, но сестра лишь поудобнее устраива-

ет ее на коленях, разворачивает свое кресло-каталку на сто восемьдесят градусов и стремительно едет к лифтам. Спеша за ней, я поглядываю на другие платформы: не увижу ли еще раз ту девушку? С ней правда все в порядке? Она выглядела... потерянной.

Перед лифтом Зои смотрит на меня с едва скрываемой ухмылкой.

– Итак, кого или что ты там постоянно выискиваешь?

– Что я делаю? – Она же повернулась ко мне спиной! Эта засранка установила себе в коляску потайное зеркало?

Вместо ответа она лишь многозначительно закатывает большие золотисто-карие глаза:

– Соьер.

О'кей, она выиграла.

– Тут была одна девушка. Уличная певица. – Если это вообще так. Она осталась для меня загадкой. Она отлично знала, как поднять голос, чтобы громкости хватило для пения в вестибюле вокзала, и сделала это без малейшего напряжения. В ней чувствовались опыт и уверенность. И тем не менее она выглядела так, словно вот-вот сбежит.

– То есть ты по-быстрому перепихнулся с уличной певицей, понятно. Мог бы сразу сказать.

– Эй! – Откровенно говоря, наши разговоры слишком быстро становятся похабными. Чаще всего Зои это начинает раздражать гораздо быстрее, чем меня. На этот раз все наоборот. – Ничего подобного.

– Но ты хотел.

– Зои!

– А что? – Двери лифта раскрываются, Зои разворачивается на месте, заезжает внутрь спиной вперед и смеется, глядя на меня. Она специально это делает. Эти две косички, в которые сестра заплетает рыжие волосы. Богемная блузка под анорак⁵. Невинная улыбочка. Она играет роль симпатичной, милой и безобидной девушки. И ты ведешься на это, даже прекрасно ее зная. А она от души развлекается, разрушая свой образ. – Ты хотел с ней перепихнуться! Я же вижу!

Я застываю в дверях, сам поражаясь тому, что не смеюсь вместе с ней. Просто не получается.

Зои вновь становится серьезной, во всяком случае отчасти. Спрятать ухмылку ей все равно не удастся, хотя она определенно старается.

– Ты влюбился?

Конечно нет! Не после *Yesterday*. Не после обмена несколькими ни к чему не обязывающими фразами и парой взглядов. И точно не после натянутой вежливости, с которой общалась со мной эта девушка.

– Я даже не знаю, как ее зовут.

– Так ты влюбился?

– Я что, автоматически считаюсь полным придурком, если

⁵ Легкая спортивная куртка-ветровка из непромокаемого материала с капюшоном и крупным карманом-кенгуру на груди; надевается через голову; часто используется как часть альпинистского и туристского костюма.

мне нравится девушка?

Зои хохочет, однако на этот раз гораздо добродушнее, а не так, будто насмехается надо мной.

– Ты влюбился. Но тебе пришлось уйти, потому что младшая сестра не может сама дотащить свою сумку. Прости, Сойер. Правда. Я бы и дольше подождала. Давай посмотрим, может, мы ее еще найдем?

– Нет. Она торопилась на поезд. И просто к твоему сведению: это не сумка, это монстр. Главное, не показывай маме и папе, что там внутри. Если они узнают...

– Не меняй тему! – Глаза Зои светятся от удовольствия. – Расскажи мне подробнее об этой девушке. Как она выглядит?

– Хм. Миниатюрная?

– О. Миниатюрная. Как содержательно. Ну же, детали, пожалуйста. Цвет волос и стрижка, цвет глаз и размер груди!

Я сдаюсь, перестаю сопротивляться и захожу к ней в лифт. Они на всех вокзалах мира одинаково мерзко воняют?

– Каштановые, – отвечаю я, – вьющиеся и взлохмаченные от ветра, длиной до плеч. Глаза синие, по-моему. На ней была длинная куртка – такое впечатление, что это ее парня, честно говоря. А лифчик у нее, наверное, размера *не-твое-на-хрен-дело-Зои*. – Она вообще носит лифчик? Или просто свободную футболку? Господи, до сегодняшнего дня мне казалось, что фаза, когда я задумывался о белье одетых женщин, закончилась лет десять назад.

– Но ты это у нее не спросил?

– Про лифчик? Зои...

– Про то, не надела ли она куртку своего парня.

– Не-а.

– И что же тебе так понравилось в каштановых волосах и синих глазах?

Двери лифта разъезжаются, и мы направляемся к парковке.

– Не знаю. Что-то в том, как она пела? Что-то в том, как она смотрела по сторонам? – Словно ей кто-то нужен. – Что-то в том, как она ушла? – Словно ей никто не нужен.

– Вы увидите снова?

Я лишь смиренно пожимаю плечами.

– Как это? – Зои жутко утрирует, пародируя мое движение плечами. – И как понимать, что ты даже не знаешь, как ее зовут? Ты не спросил? Язык проглотил? – Она издает короткий гортанный звук, которым обычно комментируют миленьких котят, а не двадцатипятилетнего и, несмотря на много лет надежды, оставшегося ростом метр семьдесят три старшего брата. – Ты просто благоговейно слушал, пока она пела ангельским голосом?

С меня хватит. Я останавливаюсь, а Зои еще немного проезжает вперед, пока не понимает, что я за ней не иду. Она разворачивается, и я скрещиваю руки на груди.

– В Лондоне было так паршиво или паршиво возвращаться домой? – спрашиваю я.

– А это еще что значит? – Она тоже складывает руки перед грудью и выглядит при этом более непринужденно, потому что может откинуться на спинку кресла. Но угрюмо поджатые губы выдают, что я попал в точку. Между нами не односторонняя связь. Я редко разгадываю ее настолько быстро, как она меня. Но если провожу с ней чуть больше времени, то делаю это с таким же успехом.

– Давай же, Зои, что случилось? Ты ведь никогда не была такой сварливой и циничной. По крайней мере, без веской причины, – добавляю я. – Родители допекли? – Было плохой идеей назначать Зои в состав руководства одного из отелей, которые принадлежат нашей семье. Она поддалась на уговоры родителей. Скорее всего, поскольку не подозревала: они хотят видеть Зои в семейном бизнесе прежде всего потому, что рассматривают его как надежные рамки для дочери. Вот только Зои не нуждается ни в надежности, ни в рамках, которые устанавливают родители. Я сразу понял, что ссора неизбежна. Но разве меня кто-нибудь слушает?

Покерфейс Зои абсолютно бесполезен, и ей это известно. Вздохнув, она опускает руки и откидывает челку со лба.

– Я чувствую себя стажеркой, разве что всем в отеле дано поручение пудрить мне попку, если я хоть на сантиметр оторву ее от коляски.

Я ухмыляюсь:

– А толку от этого нет? Они хотя бы приносят тебе джин-тоник на завтрак?

– Держу пари, они пришлют полдюжины официантов-стриптизеров подать мне джин-тоник, если я попрошу.

– Звучит неплохо!

Зои раздраженно фыркает:

– Они не воспринимают меня всерьез, и это не смешно, Сойер.

– Да знаю я. Извини.

– Давай поговорим об этом позже? Спокойно?

– В любое время. На какой уровень плохого настроения мне настраиваться?

– Пива будет достаточно.

– Сегодня ты не высосешь всю выпивку из моего паба?

– В другой раз.

Мы снова устремляемся вперед, и, когда я незаметно поглядываю на сестру краешком глаза, наши взгляды встречаются, потому что она пытается делать то же самое. Мы оба не можем сдержать смех.

– Ладно, серьезно, – говорит Зои. – Что это за девчонка? И почему ты с ней не заговорил?

– Заговорил! – По дороге к машине я рассказываю ей о своих жалких попытках уговорить безымянную уличную певицу на один вечер спасти мой паб и мою задницу.

– А почему ты предлагал ей работу, если на самом деле хотел пригласить на свидание? – интересуется Зои.

Терпеть ее не могу! Всегда бьет точно в цель. Туда, где больнее всего.

– Потому что... Потому что...

– Ах, *потому что*, – любезно повторяет Зои.

– Именно. Потому что.

Мы приближаемся к моему *Ford Transit* на парковке. На лице Зои появляется задумчивое выражение, пока она с трудом перебирается из кресла-каталки на пассажирское сиденье. Это само по себе можно назвать спортивным подвигом, так как в фургонах они расположены намного выше, чем в седанах. Впрочем, я бы ни за что не посмел помогать ей, пока она сама не попросит. Есть ошибки, которые совершаешь лишь однажды.

– Ты даже не спросил у нее, куда она едет? – спрашивает сестра. – Судя по твоему рассказу... ее это будто тяготило.

Мне больше ничего не приходит в голову, кроме как опять пожать плечами.

– Знаешь это ощущение, когда понимаешь: если скажешь одно неверное слово, человек испарится?

– Как с пугливыми лошадьми, – откликается Зои, и хотя прозвучало грубовато, похоже, она говорит с уважением. – Когда хочешь слишком много и слишком быстро, тебя отбрасывает на целые годы назад. Припаркуешься за меня, хорошо?

Я поднимаю кресло в кузов и закрепляю ремнем возле ящиков с пустой тарой. Затем залезаю в кабину и включаю зажигание.

– В фильмах, – продолжает Зои, – такие женщины вновь

появляются несколько лет спустя, когда герой женится на женщине номер два.

– Спасибо. Именно это я и хотел услышать.

– Ну, это же значит, что ты женишься.

– Класс. Ты приглашена на свадьбу.

– О боже, правда? Я приду, но только если мне разрешат выбрать платье невесты.

– Обязательно. Буду подбирать себе жену, исходя исключительно из того, разрешит ли она тебе выбрать платье.

Мы выезжаем с парковки, и моя рука застывает на полпути к рычагу включения дворников, потому что, вопреки ожиданиям, они мне совершенно не нужны.

– Дождь прекратился! – радостно восклицает Зои. – Разве это не хороший знак? Я возвращаюсь в Ливерпуль, и ливень, который не переставал целую неделю, заканчивается. Смотри, на востоке даже солнце показалось!

Ханна

Поездка до Сент-Хеленса занимает чуть больше двадцати минут, но эти минуты растягиваются в вечность. Как я буду петь эту песню, если сейчас мне хочется только рыдать?

Чтобы отвлечься, думаю о парне, который предложил работу в своем пабе. Раньше я часто выступала в подобных заведениях. Это всегда было чем-то особенным – ловить уникальное настроение и вплетать его в песни, как блестящую нить в красивую ткань. От одной мысли об этом у меня начинает покалывать в животе. И я бы действительно с удовольствием помогла этому Союеру.

Но кого я обманываю? Сперва мне нужно помочь самой себе.

В Сент-Хеленсе вокзал без крыши, и, выйдя из вагона, я вижу удивительно ясное небо. Над верхушками деревьев простирается светлая, залитая солнечным светом синева. На пару секунд я, как слепая, уставилась в небеса, а в ушах зазвенел голос, как будто эти слова звучали прямо сейчас, прямо здесь:

Ладно, тогда желаю тебе, чтобы дождь закончился.

Делаю что могу.

Буквально через секунду я качаю головой, поражаясь себе самой. Союер Ричардсон, должно быть, посмотрел чертов прогноз погоды. Говорят, иногда он действительно сбывает-

ся. И весьма вероятно, что скоро опять польет дождь.

Я спешу добраться до остановки, пока еще и автобус не ушел из-под носа. А когда снова выхожу на Суинберн-роуд, лужи на асфальте искрятся под солнечными лучами. Ба жила совсем рядом, так что мне здесь знаком каждый переулок. Поют птицы, словно пытаюсь призвать весну на пару недель раньше. Где-то вдалеке звонят колокола аббатства, а во дворе младшей школы играют дети.

Не могу вспомнить, когда я в последний раз так свободно дышала. Однако осознание этого несет с собой одновременно приятное и болезненное ощущение, потому что я все еще направляюсь на похороны бабушки.

После того как проходящий мимо мужчина с окладистой бородой и в засаленной кепке с тревогой смотрит на меня, я замечаю, что плачу. Потом ускоряю шаг, чтобы он со мной не заговорил, и просто даю волю слезам. Когда, если не сейчас? Лишь приблизившись к кладбищу и увидев, что моя семья уже ждет на краю парковки, я вытираю лицо рукавом и беру себя в руки. Ради мамы. Для нее эти похороны тяжелее, чем для каждого из нас, потому что она была невероятно близка со своей матерью. Я же, напротив, за последний год приносила ей одни огорчения. Сейчас мой долг – быть рядом с ней. Быть такой сильной, как только смогу.

Мы обнимаемся вместо приветствия.

– Наконец-то ты пришла, Ханна, мы уже начали переживать. Возникли какие-то проблемы? – Она крепко прижима-

ет меня к себе, и тем не менее я чувствую между нами дистанцию. Она не может простить меня за то, что я совершила, и даже теперь, невзирая на ее горе, мамин гнев ощутим, хотя она старается его не показывать.

Мне так жаль, мам. Честно.

Я выдавливаю из себя улыбку.

– Просто дурацкий инцидент на вокзале, из-за которого я опоздала на пересадку. Но теперь я здесь.

Мама одета в вязаное пальто, которое до сих пор я видела только на бабуле. Яркое и разноцветное, а по штопке в некоторых местах становится понятно, что ему уже много лет. Ба очень его любила, и, мне кажется, то, что мама его надела, – замечательный жест. Так частичка бабули по-прежнему с нами.

– Хорошо, что ты здесь, Ханна. Правда.

Лейн неуклюже протискивается ко мне и кивает:

– Я тоже так думаю. Привет, Ханна. У тебя все в порядке?

У моего брата здоровенные ладони и непропорционально тонкие руки, которыми он беспомощно разводит, как будто сомневается, можно ли меня обнять. Еще в детстве он напоминал мне большого пугливого паука, и от этой ассоциации я не могу избавиться по сей день, а ведь ему уже двадцать три. Он почти на два года старше меня. Благодаря огромным глазам на бледном лице он разбивает десятки сердец. Интеллект выше среднего в сочетании с социальной беспомощностью, из-за которых ребенком его в лучшем случае не звали

ни в одну компанию, а в худшем – избивали, в более взрослом возрасте воспринимаются гораздо лучше.

– Все нормально, – отвечаю я и сама обнимаю брата, разрешая его дилемму.

Он держит меня в объятиях чуть дольше, чем нужно.

– Точно? – Обычно его угрызения совести по отношению ко мне трогают, но в данный момент я их не вынесу.

– Точно. – Мы оба знаем, что это ложь. Но сегодня останемся на этом, потому что это не мой день. – А у тебя?

– Все супер. Я же тебе рассказывал.

Да, он не устает подчеркивать, что с учебой все замечательно и работа у него отличная.

– А Алек? – шепчу я. – Он оставил тебя в покое?

От одного лишь имени волоски у меня на затылке встают дыбом.

– Я ведь дал тебе клятву: мы больше не поддерживаем связь. Он забыл, что я существую.

Мне бы тоже очень хотелось забыть о существовании Алека, но не получится. Я слишком хорошо помню, что он сделал, и не могу исключать, что он способен и на худшее. А главное, он обо мне явно не забудет.

– Хейл. – Отец – единственный человек, кто до сих пор так меня называет. А еще он единственный, кто недостаточно хорошо знал ба, чтобы понимать: сегодня нельзя появляться в черном. Рядом с матерью, Лейном и многочисленными близкими подругами и друзьями бабули, которые все

одеты в яркие цвета, он в своем костюме выглядит как ино-
родное тело. К моему сожалению. Потому что он не посторо-
нный и не стал им даже после того, как расстался с мамой.
Родителям до сих пор удается то, что многие считают невоз-
можным: они развелись и тем не менее остались лучшими
друзьями, пусть и видятся очень редко, после того как папа
переехал в Шеффилд.

Папа невероятно похож на Лейна: долговязый и темново-
лосый, только на голову ниже собственного сына. Он из пар-
ней типа Майкла Джей Фокса⁶, которые никогда не выглядят
по-настоящему взрослыми, а потом за одну ночь превраща-
ются из мальчиков в стариков. Пока еще он мальчик, хотя
сегодня морщины скорби на лице заметно прибавляют ему
лет.

– Хорошо, что ты здесь, родная. – Он прижимает меня
к груди и шепчет: – Ты нужна Джунипер. Не знаю, что еще
сказать, чтобы ее утешить.

Я сдерживаюсь, чтобы не бросить взгляд на маму, кото-
рая тем временем здороваётся с пожилой супружеской па-
рой. Внешне она собрана, но я ведь ее знаю: снаружи она
всегда притворяется сильной, даже если внутри все совсем
по-другому. Увы, я абсолютно не представляю, как конкрет-
но я могу ей помочь.

⁶ Майкл Эндрю Фокс (сценический псевдоним – Майкл Джей Фокс) – амери-
канский актер, наиболее известный по роли Марти Макфлая в серии фантасти-
ческих фильмов «Назад в будущее» (англ. Back to the Future).

– Ты наверняка сам все видел, – еле слышно отвечаю отцу. – Между нами не все так радужно.

– Сейчас она не думает об этом дерьме.

Это дерьмо. Он всегда так это называет.

Это дерьмо, которое на самом деле является моей жизнью.

Высвободившись из его объятий, я прячу ледяные руки в карманы куртки. Костяшки задевают что-то, пальцы ощупывают, и я сжимаю в ладони спичечный коробок, прежде чем вообще вспоминаю, как он туда попал. Кто мне его дал. И из-за чего.

Этот Соьер Ричардсон хочет, чтобы я спела в его пабе, не из жалости и не потому, что считает себя обязанным мне помочь. А потому, что я делаю это хорошо. Потому что мне, – по крайней мере, когда я пою, по крайней мере, когда я Хейл, – вероятно, еще есть что дать людям.

Возможно, папа прав, и маме я тоже могу что-то дать. Во всяком случае, я на это надеюсь, и не только из-за того, что хочу ее поддержать. Но и из-за того, что мечтаю о *большей* поддержке от нее. Глубоко вздохнув, я киваю.

Он улыбается мне и гладит по руке.

– Как думаешь, у тебя получится спеть ту песню? Я даже представить не могу, как это, должно быть, тяжело, но это очень много будет значить для Джунипер.

– Для всех нас, – тихо поправляю я. – Для мамы, бабули... и для меня это тоже будет много значить. – Чуть больше часа назад я могла бы максимум пообещать ему, что попробую.

Но сейчас знаю, что у меня получится.

Я хочу спеть эту песню не только для ба. Я *буду петь*.

Часть 2

Какое нам дело, что снег в Минче белый?
Что нам, парни, непогода, ветра?
Пока мы знаем, что любая заря
Приблизит нас к дому, к Мингалюю.

Хи-я-хей, парни, вперед, быстрее, парни!
Смотрите смелей на бури морей.
Хи-я-хей, парни, вперед, быстрее, парни!
Плывите скорей домой в Мингалей.

*Отрывок из песни Mingulay Boat Song,
традиционная песня моряков – шанти,
Автор: сэр Хью С. Робертон*

Сойер

Шесть недель спустя

– Два таких же крафтовых пива и еще один Steel Bonnet⁷ для меня. – Этот парень так орет через стойку, как будто в пабе не слышно собственный голос. При этом музыка из колонок играет довольно тихо, а посетители, которые занимают всего примерно половину столиков, особо не шумят. Только Саймон гремит кастрюлями и сковородками на кухне за баром, пока готовит последние блюда этим вечером, и через разные промежутки времени высказывает рыбе, супу и лабскаусу⁸ все, что он о них думает. Удивительно, но, несмотря на это, все, что он отправляет затем из кухни, оказывается очень даже вкусным. Очевидно, на еду орать полезно. А мне этого достаточно. – И один Bonnet для тебя, хозяин.

– Благодарю. Из Лидса? – Я невольно подслушал трех мужчин лет тридцати с небольшим. К сожалению, это трио чувствует себя достаточно важным, чтобы сообщать половине паба, какой удачной была их последняя сделка. Из-за них я уже отключил верхние лампы, чтобы весь паб освещали только искусственные свечи в винтажных фонарях на стенах

⁷ Марка виски.

⁸ Так называемое «матросское рагу» – традиционное блюдо европейской кухни из мелко нарубленного мяса, тушенного с овощами.

и настоящие на столах. Большинство людей понимает такой намек. Однако эта тройка из Лидса атмосферой не прониклась. Ставлю пятьдесят фунтов на то, что все их рассказы про успешные сделки – вранье. Только обманщики так внимательно следят за тем, чтобы их слышали. Прежде всего, разумеется, присутствующие женщины.

– Да! – радостно кричит парень. – У нас билеты на завтрашнюю игру. Ты сильно обидишься, если я пообещаю тебе, что мы так всыплем вашим «Красным»⁹, что они дружно отправятся к психотерапевту?

Господи боже. *Эти* пришли.

– В самое сердце, мужик.

Я наливаю заказанное пиво и плескаю виски в стаканы, причем в свой – всего лишь на маленький глоток. Откровенно говоря, у меня нет абсолютно никакого желания пить с этим брехуном. Но неделя выдалась отвратная. Весь февраль лил дождь, а в промозглую погоду в «У Штертебеккера» приходит еще меньше гостей, чем обычно. Он находится в самом южном уголке доков, где большинство людей не то что не ожидают увидеть паб, они просто-напросто *ничего* не ожидают тут увидеть. Нужно сделать над собой усилие, чтобы пройти немного, а под затяжным ливнем народ обычно оседает в заведениях, которые сгруппировались в центре у

⁹ Имеется в виду профессиональный английский футбольный клуб «Манчестер Юнайтед». «Красные» (The Reds) или «Красные Дьяволы» (Red Devils) – прозвища команды.

пристани. В данный момент я не могу себе позволить отталкивать ни одного клиента, который платит, так что чокаюсь с ним своим стаканом.

– Slainte¹⁰. – *За брехуна, чего уж там.* – Думай обо мне, когда этот план провалится. – Мысленно я клянусь этому воображалу, что «Красные» не просто надерут зад «Павлинам»¹¹, а сметут их с поля, так что перья полетят.

Я обхожу зал, собирая пустые бутылки и бокалы, и ненадолго останавливаюсь у стола, за который сели Седрик и Билли со своими друзьями, тоже парочкой.

– Посиди с нами немного. – Билли слегка придвигается к Седрику, чтобы мне хватило места на диванчике. – Мы решаем, в какой клуб потом пойдём, и сейчас мы в тупике. Двое за Level, двое – за Ink Bar.

Достаточно одного взгляда, чтобы догадаться: Билли и её подружка Карлина хотят в Level, в то время как их парни предпочли бы сумасшедший Ink Bar, где тебе могут сделать новую причёску или даже татуировку на глазах у публики. Сколько раз я зарекался пить там хоть каплю алкоголя. Моей решимости всегда хватает как минимум до того момента, пока снова не отрастут волосы.

Я поправляю трилби, и Седрик смеется, поскольку навер-

¹⁰ Традиционный ирландский и шотландский тост; означает примерно то же самое, что и русский «За здоровье».

¹¹ Подразумевается профессиональный английский футбольный клуб «Лидс Юнайтед». «Павлины» – прозвище команды.

няка помнит, что любовь к шляпам я открыл в себе после бритья налысо в результате таких вот развлечений.

– Прости, – говорю я, глядя в его сторону. – Но я за Level. Больше разнообразия в музыке.

– Дамский угодник, – вздыхает Стивен, зарабатывает тычок локтем от любимой девушки и находит утешение в глотке пива. Он понятия не имеет, что я, возможно, сейчас спасаю его бледную кожу. Стивен приятный парень, но они с Седриком навряд ли когда-нибудь станут хорошими приятелями. Дружба между их девушками этого не изменит. Кто знает, что случится, если они вместе окажутся в Ink Bar. Седрик не засранец, но иногда очень близок к этому.

– Значит, ты пойдешь с нами? – спрашивает Билли и в ожидании смотрит на меня карими глазами.

– Если подождете до одиннадцати, с удовольствием. Раньше закрыться не могу. – По крайней мере, если до того момента здесь еще останутся посетители: мысль, которая сегодня хотя бы не кажется полным абсурдом.

– Еще два часа в этом притоне? – Седрик изображает ужас. – На что мы только не идем, чтобы тебя осчастливить, Сойер. Плохое пиво, чуть теплое вино. – Он щелкает пальцем по своему стакану, в котором – как, собственно, и всегда – только вода. – Даже вода тут сухая на вкус.

– Я тебе сейчас еще принесу.

– Ты никогда этого не делаешь, ты скряга.

– Ничего подобного! У тебя всегда вода за счет заведения.

Обычно я даже наливаю ее из-под крана и в очень редких случаях зачерпываю из раковины.

Мы редко можем себе позволить подразнить друг друга, что, впрочем, никак не сказывается на том, что этот парень – мой лучший друг и я в любой момент готов подарить ему одну из своих шляп, если когда-нибудь, перебрав воды, он даст побрить себя налысо. (Ладно, это маловероятно.)

Карлина с довольным видом откидывается на спинку дивана.

– Значит, Level. Я буду вечно тебе благодарна, Сойер. И ты знаешь почему. – Она незаметно бросает взгляд на густую шевелюру Стивена, и я не сдерживаю смех.

На этот раз уже она зарабатывает от него тычок локтем.

– Вы что, флиртуете у меня за спиной? Ты замужем, дорогая.

– Ах, дорогой, а я и забыла.

Продолжая смеяться, я встаю.

– Флиртовать с хозяином заведения разрешено по закону даже замужним женщинам. – С этими словами я оставляю друзей и с подносом в руках возвращаюсь к бару.

– Вот как? – кричит мне в след Стивен. – И что же это за странный закон?

– Мой, – с ухмылкой откликаюсь я. – Распространяется на каждого в этих стенах.

А потом улыбка застывает на моем лице, потому что одну из двух только что вошедших девушек я знаю.

– Привет, Сойер. Рада снова с тобой увидаться.

Крис выглядит точь-в-точь так же, как и три года назад, когда вскружила голову мне и всем остальным в этом пабе. Кроме одного: Седрика. И конечно же, она захотела его. Как это обычно бывает, в конце концов они тогда сошлись.

Мне приходится сдерживаться, чтобы не обернуться на него, потому что я бы очень хотел увидеть, как он отреагирует, когда узнает ее. Может, он ее и бросил, но я не верю, что причина заключалась в том, что у него больше не осталось к ней чувств. В то время у него вообще больше не осталось чувств.

Лишь когда улыбка Крис становится еще ослепительней, я вспоминаю, что надо ей ответить.

– Хэй. Привет, Крис. Классно выглядишь. – Это еще слабо сказано. В Крис все идеально. Она стройная, с изгибами, как с картинки, шелковистыми светлыми волосами с рыжим оттенком, из-за которого они слегка отсвечивают розовым. У нее полные губы и темные ресницы, обрамляющие большие зеленые глаза.

– Что тебя сюда привело? – После стольких лет!

Ей по-прежнему это удастся: усиливать производимый эффект, делая вид, что сама она его совсем не замечает.

– Вернулась в Ливерпуль по работе, решила заглянуть. Это Леа. – Она указывает на свою спутницу, которая даже с более глубоким декольте и более ярким макияжем меркнет на фоне Крис. – Леа, Сойер.

– Очень рад, привет. Добро пожаловать в «У Штертебеккера». Сюда приходят пираты, моряки и нищелюбы, которых не пускают в яхт-клуб. А что здесь делаете вы?

Крис расплывается в улыбке, потому что уже знает мое стандартное приветствие.

– Я рассказала Леа парочку историй из прошлого, и ей стало любопытно.

Любопытно, да? Интересно, что именно?

– Истории. Круто. – Успела ли она увидеть Седрика? Кажется, пока она не успела даже нормально осмотреться. Не уверен, стоит ли ее предупреждать. С одной стороны, много времени прошло. С другой – встреча с бывшим может полностью испортить ей вечер. Но я ей не нянька и не отвечаю за ее душевное равновесие. – Что будете пить?

Глупо, но я желаю, чтобы у Крис все было хорошо.

Крис и Леа заказывают белое вино и выбирают одну из маленьких гребных лодок в передней части паба, которые служат сиденьями. Оттуда Крис не должна заметить Седрика. Тем не менее мне бы не хотелось, чтобы она неожиданно на него нарвалась.

– Крис? – окликаю ее я, когда она уже собиралась уйти к лодке вместе с Леа.

Она оборачивается ко мне.

– Сойер?

– Ты видела, что здесь Седрик? Там, за дальним столом, со своей девушкой.

У нее на лице мелькает намек на растерянность, и она оглядывается. Седрик сидит спиной к нам, но теперь, зная, что это он, она все равно его узнает. Снова повернувшись, Крис встречается со мной взглядом.

– Значит, между вами теперь снова все нормально?

Меня удивляет, что она в принципе в курсе, что какое-то время было не все нормально.

– Да.

– Рада слышать, Сойер. Я так переживала.

– Ты не виновата. Ни в чем.

Ее взгляд смягчается.

– Очень мило, что ты так говоришь, но...

– Я правда так считаю. Никто не виноват. – Просто некоторые вещи плохо сочетаются. Например, тот факт, что я влюбился в Крис... а она не в меня, а в Седрика. Который оказался не в состоянии давать ей то же, что она давала ему. Чего я, в свою очередь, от него не ожидал, так как не понимал, что ему мешало.

И, наверное, у нас бы все довольно быстро снова наладилось, не прими Люк ужасное последнее решение и...

Крис с беспомощным видом проводит рукой по волосам.

– Я тут не из-за Седрика, если ты так подумал. Но подойду к нему поздороваться.

Подняв обе руки, я хочу выдать какую-нибудь непринужденную фразочку, однако в голове вдруг становится пусто.

– Здорово, что ты здесь, Крис. По какой бы то ни было

причине.

Из кухни выходит Саймон и, к счастью, лишает меня возможности пялиться ей вслед. Не знаю, что именно заставляет чувствовать себя как подросток в ее присутствии, но она по-прежнему оказывает на меня такой же эффект... как, вероятно, и на всех остальных. Когда она появилась тут впервые, я даже начал несколько раз в неделю ходить в фитнес-студию и бегать, поскольку думал, что у улучшенной версии меня будет с ней больше шансов. Сейчас я уже понял, что Крис свели с ума не кубики на животе у Седрика. Проблема заключалась, скорее, в том, что он был темным и загадочным: трудная цель. А я же просто... милый парень за барной стойкой.

Я наливаю себе еще Steel Bonnet. К черту.

– Ребята из фудшеринга¹² еще не заходили, – говорит Саймон. – Коробка для них стоит на столе. Сверху опять готовые порционные пакеты, их надо раздать бездомным до конца дня, там свежие продукты.

– Спасибо, я им передам. Хорошего вечера.

Саймон надевает ярко-желтый дождевик.

– И тебе хорошего вечера, до завтра.

– Завтра у меня выходной. Смена у Лиззи.

Саймон гаденько смеется:

¹² Платформа для сбора и распределения излишков еды; вместо того чтобы выбрасывать неиспользованные продукты питания, рестораны и магазины передают их этой организации, которая раздает нуждающимся бесплатно.

– Ага, конечно. До завтра.

На это я ничего не отвечаю. Ненадежность Лиззи – проблема, которую невозможно отрицать. Но она старается.

Я принимаю заказ, наливаю два пива, пью по глотку Vonnet и бросаю взгляд на Крис, на который она отвечает. Потом болтаю с двумя женщинами среднего возраста о глобальном потеплении, мою стаканы и ловлю себя на том, что, невзирая на занятость, продолжаю посматривать на Крис.

Истории вроде нашей случаются. С парнем за барной стойкой все проще простого: разговор завязывается сам собой, беседа ни к чему не обязывает, а флиртовать с таким, как я, для кого это часть работы, очень легко. А все остальное... Дальше всего пара шагов, пятнадцать ступеней и еще пара шагов до моей постели, и я совсем не против лечь в нее не один. Впрочем, от Крис я хотел большего, чем просто поразвлечься. Я хотел от нее *всего*. И радостей, и горя. Хотел засыпать и просыпаться рядом с ней. Хотел знать, какой она человек. Что она делает, когда остается одна и не красится, и о чем она думает, когда ее улыбка на секунду застывает. Иногда меня терзает вопрос, что бы произошло, если бы я честно все ей сказал, а не ограничился смутными намеками.

Еще один быстрый взгляд на нее. Леа сидит за столом одна и что-то печатает в смартфоне. Стереосистема воспроизводит плейлист, который Лиззи назвала «Саундтреки для приятных разговоров». Я называю это пустым брэнчанием и в очередной раз убеждаюсь, что в таких песнях почти всегда

поется о разбитых сердцах, трагичном конце отношений или несбывшейся любви.

Конечно. Сразу ведь становится спокойно и комфортно, когда понимаешь, что ты не единственная тряпка, пропитавшаяся жалостью к себе.

Ко мне за стойку приходит Билли и заказывает напитки. По какой-то причине она пристально смотрит на меня, пока я наполняю бокалы.

– Что не так? – спрашиваю я, подвинув в ее сторону два лагеря¹³, вино и сидр.

Ее темные глаза блестят.

– Выходит, ты действительно ей позвонил?

В первый момент я даже не понимаю, о чем она говорит. Кому я позвонил? Последние несколько недель я хотел позвонить только одной: той девчонке с Лайм-стрит. Но без номера телефона или хотя бы имени это проблематично. А *она*, очевидно, *мне* звонить *не* хотела.

Но потом меня осеняет. Прошлым летом мы с Билли разговаривали о Крис, и она посоветовала мне ей позвонить. Что я и сделал. Впрочем, мы всего лишь обменялись парой слов. Но откуда Билли знает, что Крис здесь? Один взгляд на стол, где она сидела с Седриком и друзьями, дает мне ответ: Крис подошла к ним. Она стоит возле столика, вплотную к Седрику, наклонившись к нему. Мне отсюда слышно

¹³ Линейка сортов пива, которое по сравнению с элем изготавливается при более низких температурах и увеличенной продолжительности брожения.

ее смех.

– Ты был прав, – произносит Билли. – Она красивая. Как с картинки.

Меня немного удивляет, что при этом она улыбается. Большинство женщин не так спокойно отреагировали бы, видя бывшую своего парня так близко рядом с ним. Бывшую, которая *красива как с картинки*. А Билли еще пошла за напитками и оставила их одних?

– Ты самая неревнивая женщина в мире? – осторожно интересуюсь я. – Или...

Билли перестает улыбаться и энергично кивает.

– Или, – быстро говорит она, понизив голос. – Это в любом случае «или». Сделай так, чтобы она испарилась, Соьер. Я ей вино на голову вылью, если она еще раз просюсюкает: «А помнишь, как?..» Она правда тогда танцевала на стойке?

– Правда, – смеюсь я. – Босиком. Но не волнуйся. Седрик любит тебя.

– Седрик предложил, чтобы потом она пошла вместе с нами в Level. Потому что у ее подружки болит голова, и она уже хочет домой, а Крис – нет.

– О. Серьезно?

– Да, о. И да, серьезно.

Эта информация задевает что-то во мне, но я не смог бы точно описать, что именно. На протяжении почти трех лет я бы отдал любимую шляпу за то, чтобы сходить куда-то с Крис. Однако сейчас, когда такая возможность представля-

ется просто так, какая-то часть меня сопротивляется.

Почему? Я переболел ею, а тут она возвращается и... что? Снова все портит? А она может?

– Билли, позволь сказать тебе одну вещь. Даже если Крис очень постарается, с Седриком у нее нет шансов. Ты и он... Это неповторимо.

Билли вздыхает и проводит руками по длинным черным волосам.

– Просто она такая...

– Такая *Крис*. Понимаю.

– Он написал ей песню.

– Это было давно. И это чертовски печальная песня.

– Мне он никогда не писал песен.

– Билли. Он вообще больше не пишет песни.

– Знаю, но... – Она расстроено хмыкает. – Не мог бы ты потом ее немножко... занять? Если она будет флиртовать с тобой, то точно не сможет одновременно вешаться на Седрика.

– На Седрика она бы никогда не... – Как назло, в этот момент моя уверенность пошатнулась, потому что рука Крис уже лежит на плече Седрика.

– Мы же друзья? – Во взгляде Билли ясно читается, что вопрос носит риторический характер. – Я ведь не слишком много требую, просто прошу тебя чуть-чуть полюбезничать с бывшей Седрика, чтобы она не испоганила мне вечер, разве нет?

Вот она и прокололась. Потому что, может, у Билли, как и у любого другого человека, нет абсолютного иммунитета к ревности. Но на то, что Крис способна испортить ей вечер с Седриком, я не куплюсь. Она бы просто поговорила с Седриком, если бы ей не понравилось поведение Крис, и Седрик бы вежливо, но недвусмысленно послал бывшую к черту.

– Всего один вопрос. Седрик вообще посвящен в этот извращенный план свести меня с Крис?

Я ее подловил. Щеки Билли становятся на оттенок темнее, и она пристыженно опускает взгляд.

У меня на лице появляется широкая ухмылка.

– Это тебе сейчас смешно. – Билли сдвигает ближе напитки, чтобы унести сразу все бокалы и бутылки.

– О да. Разгадывать мелкие грязные уловки... – прежде всего, конечно, если они задумывались с добрыми намерениями, – ... мое любимое хобби.

– Интересно, будешь ли ты так же улыбаться, когда я расскажу тебе, кто придумал этот маленький фарс?

– А что? Это испортит мне хорошее настроение?

– Определенно нет. – Билли делает подчеркнуто невинный вид. – Наоборот. Потому что это была Крис.

Ее ответ на самом деле сбивает меня с толку. Крис?

– Зачем Крис...

Однако Билли, прижав руками к груди все напитки, уже отвернулась и удаляется обратно к столу.

– С нетерпением жду продолжения вечера! – кричит она

мне через плечо. В тот же момент я ловлю мимолетную улыбку Крис.

О'кей. Наливаю еще глоток виски в свой стакан. В принципе, это гораздо больше, чем о'кей. Судя по всему, день обещает закончиться многообещающим вечером.

Ханна

Я провожу кончиками пальцев по клавишам старого фортепиано, не нажимая ни на одну. Целых десять лет назад я пришла сюда только из-за того, что услышала, будто в молодежном клубе на Гудисон-роуд есть фортепиано, а руководитель бесплатно учит детей на нем играть.

Иногда я спрашиваю себя, в кого бы превратилась, если бы это фортепиано не выманило меня с улицы, где в нашем районе безобидные игры без правил максимум к одиннадцати или двенадцати годам неизбежно становятся все более серьезными.

Кришан смотрит на меня с понимающей улыбкой. Он тоже наверняка помнит дерзкую девчонку, которой я была, когда каждый день приходила на уроки игры на фортепиано, поскольку родители не могли позволить себе ни покупку инструмента, ни оплату уроков музыки. Я шла сюда выполнять домашнее задание, потому что дома не было никого, кто мог бы его со мной сделать, но и просто так. Только здесь я чувствовала, что меня замечают и понимают, и могла спрятаться от ссор, которые поначалу возникали между мной и братом, а потом продолжились и между родителями. Упражняться за фортепиано мне разрешалось в любое время, однако уроки с Кришаном следовало заслужить, читая малышам вслух, заучивая с ними таблицу умножения и помогая им делать

домашнюю работу. У Кришана никому ничего не дарят. Все имеет ценность, и дети, которые к нему приходят, быстро учатся ценить и это тоже.

Со временем я начала играть все лучше и взяла на себя роль учительницы для младших.

А когда стала слишком взрослой, чтобы играть в молодежном клубе, как-то плавно, без четкого момента перехода, а просто будто так и надо, я превратилась в почетного наставника. До сих пор помню, как приятно было осознавать, что теперь я могу вернуть клубу частичку того, что годами здесь дарили мне самой.

– Показать тебе кое-что? – Кришану уже около пятидесяти, и он всегда сохраняет спокойствие. А как иначе, если ты руководишь молодежным клубом в самом сердце Киркдейла? Причем дети, которые сюда ходят, редко представляют собой проблему. Трудно становится тем, кто прекращает приходить, потому что они поддались соблазнам многочисленных банд и начинают тусоваться с ними.

Впрочем, сегодня терпение Кришана, похоже, дало трещину, и это пробуждает во мне любопытство.

Я следую за ним в коридор. Мы одни в клубе. Сейчас полдень, обычно в такое время он закрыт, потому что дети в школе. Это было единственным условием, когда в электронном письме Кришан попросил меня заглянуть еще раз, чтобы забрать рекомендательное письмо, хотя мог бы просто прислать его. Я не хотела сталкиваться с детьми. В письмах

он рассказывал, что они спрашивают обо мне и ждут моего возвращения. Мне не хочется, чтобы ребята надеялись зря.

Длинный коридор, множество комнат, даже потертый линолеум – все кажется странно чужим в царящей здесь сегодня тишине. За столько лет клуб с многообразием его звуков прочно врезался мне в память. Топот; фальшивые ноты детей, занимавшихся музыкой; голоса, которые смеялись, спорили, о чем-то рассказывали и пели. Тихо тут не было никогда.

Кришан ведет меня к одному из дальних помещений, в котором раньше не стояло ничего, кроме дивана и стеллажа, полного пыльных учебников. Теперь же оттуда мне навстречу хлынули свет и свежий воздух.

В дверях я замираю, не зная, куда смотреть в первую очередь.

– Вы... – У меня надламывается голос. Мне вообще не хочется ничего говорить, но тишина стала совсем невыносимой. Она не сочетается с живыми яркими образами у меня перед глазами. – Вы сделали все, что мы... что мы...

– Что *ты* планировала, – тихо поправляет Кришан.

В горле образуется комок. В прежде душной темной комнате теперь есть окно, из которого открывается вид на рано расцветшее дерево на фоне голубого неба. Это окно действительно было моей идеей. Больше никто не отваживался мыслить в масштабах «сделать окно в стене» из-за низкого бюджета молодежного клуба. А сейчас оно здесь, и сол-

нечные лучи освещают яркие подушки для сидения, новые стеллажи, наполненные новыми книгами и играми, и стены. У одной из них находится веревочная лестница и вмонтированные в стену над толстым матом упоры для лазания, как на скалодроме. Две другие стены расписывал не один художник. Я вижу людей, животных и природу. Разрисовать стены тоже было моим предложением, но темы выбирали дети и подростки.

На глаза наворачиваются слезы, когда я подхожу ближе и изучаю детали. Несмотря на год отсутствия, мне легко удастся определить, кто из ребят что нарисовал. Длинноногих лошадей, резвящихся у извилистого ручья, наверняка изобразила Синтия, футбольную площадку со спортсменами и спортсменками – близнецы Луиза и Леон, а автопортрет Луизы я узнаю по тому, что она с короной на голове выгуливает на поводке детеныша носорога.

Я даже нахожу себя по коричневым выющимся локонам до плеч и какой-то штуке в руках, напоминающей гигантский баклажан. Впрочем, ноты, которые разносятся от него по воздуху, позволяют предположить, что это гитара.

– Получилось просто потрясающе, – шепчу я. – Как вам удалось все это осуществить?

Кришан поднимает руки.

– Ровно так, как ты и предлагала: через поиск спонсоров. Теперь следующие три года мы отвечаем за судейство на играх по сбиванию жестяных банок на летних праздниках од-

ной строительной фирмы. Это условия сделки.

У меня вдруг пересыхает во рту, когда на расписанной стене я замечаю еще одну деталь.

В центре ярко-желтого солнца, которое расположилось в углу комнаты и заняло часть потолка, нарисовано лицо, и я узнаю форму глаз. Только один ребенок рисует серебряные звездочки как блеск в глазах.

– Это Пол нарисовал? – На самом деле мне не нужно спрашивать и даже оборачиваться к Кришану, чтобы знать, что он кивает. И улыбается. Наверное, глаза у него тоже на мокром месте, как и у меня. – Он правда залез на лестницу под самый потолок?

У Пола маленькая умная голова и большой талант по части игры на фортепиано. Но его многочисленные страхи перед всем на свете часто ему мешают, и самым сильным среди них была боязнь высоты. Он не мог даже встать на табуретку.

– Мередит и Энтони держали лестницу, а Робби забрался вместе с Полом и держал его, – рассказывает Кришан. – Он слез вниз раз сто, но поднялся обратно сто один. Это он настоял на том, чтобы нарисовать солнце, несмотря на свой страх.

По щеке бежит слезинка, пока я разглядываю гордый блеск в глазах солнца. Однажды Пол прошептал мне, что хочет сделать так, чтобы солнце улыбалось, если мы раскрасим стену. Я помню все, как будто это было вчера. Я спросила его, уверен ли он, а мальчишка взглянул на меня своими ум-

ными карими глазами, набрал полную грудь воздуха и еще больше смелости, а потом прошептал:

– Я тебе обещаю.

Но это *было* не вчера.

Я вытираю слезы.

– Они все еще регулярно приходят?

– Да, конечно. А еще Софи, Айла, Мо и оба Джорджи. Все младшие по-прежнему здесь... – Я слышу то, что он не произносит вслух и что тем не менее витает в воздухе.

... и ждут твоего возвращения.

Глубоко вздохнув, я раскидываю руки. Внутренний порыв чуть не заставляет меня закружиться от счастья, но я его подавляю.

– Просто с ума сойти, что вы это сделали, Кришан. Я так рада, невероятно рада, что здесь все получается.

И это еще слабо сказано. Я ужасно переживала, устоит ли клуб, который невероятно важен для детей в этом районе. В финансовом плане каждый год приходилось туго, а сотрудников не хватало еще до моего ухода.

– Выпьешь со мной чаю? – спрашивает Кришан. Мы идем на кухню, где он ставит чайник, в то время как я по старой привычке тянусь за черным чаем, который он всегда раньше пил. Себе беру мяту и опускаю пакетики в две чашки.

Вскоре после этого мы садимся за большой деревянный стол, за которым в излюбленные вечера спагетти по понедельникам, прижавшись друг к другу, вмещаются целых два-

дцать детей. Для некоторых из них это единственная горячая пища за день.

– По средам и пятницам, – говорит Кришан ни с того ни с сего, однако я все равно его понимаю: замечаю по глазам за стеклами очков, что он имеет в виду.

– Серьезно? Вы едите вместе три раза в неделю?

Кришан с довольным видом откидывается на спинку стула.

– Среда – день овощного супа, так что они не испытывают особого восторга от еды, зато от совместной готовки – вполне.

– Совместная готовка! – Раньше из-за нехватки персонала это было невозможно. Если бы я не сидела за этим столом-монстром, то от восторга бросилась бы Кришану на шею. – А это тебе как удалось?

Он качает головой.

– То, что твой план с поиском спонсоров для перепланировки сработал, дало мне толчок. Я снова подал заявку на государственное финансирование и получил несколько одобрений. А это подводит нас к причине, по которой я хотел, чтобы ты обязательно зашла сюда на чай, хотя ты уже написала мне в электронном письме, что больше не можешь быть волонтером.

Я обхватываю руками горячую чашку, потому что внезапно пропало ощущение тепла, которое во мне до сих пор вызывали Кришан и клуб.

– Поверь, я бы продолжила, если бы могла. Мне не хватает детей и работы здесь.

– Ханна, я тебя понимаю. Я благодарен за каждый час, когда ты нам помогала. Ты ценнее, чем два штатных преподавателя.

– Ты преувеличиваешь.

– Не преувеличиваю, и тебе это известно. На твою страсть к этому клубу невозможно прицепить ценник. Но в случае, если твое решение основано на финансовых причинах и ты просто не можешь больше позволить себе уделять нам столько времени...

От его слов я чуть не вздрагиваю, но сдерживаю себя и только сильнее стискиваю горячую кружку в ладонях.

– ... я бы хотел предложить тебе оплачиваемую должность.

Пару секунд я жду, что он рассмеется. Но Кришан лишь в ожидании наблюдает за мной. Похоже, он серьезно. Действительно серьезно.

– Я думал о двадцати часах в неделю. Разумеется, можно и меньше, если для тебя это слишком много. Это обсуждается. И само собой, можешь приступить, когда будешь готова. Мы будем тебя ждать.

Я уставилась на него.

– Ты... ты не можешь...

– Нет, могу. Я открываю вакансию, финансирование подтверждено. И ты первая в моем списке.

Я. Первая в списке.

Момент, когда предложение Кришана наполняет меня гордостью и чем-то вроде радости, краток. Реальность тут же больно вонзает в меня зубы. Я кто угодно, но точно не первая в списке, когда речь идет о том, чтобы наставлять детей на правильный путь. Подавать им пример. Быть той, на кого они смогут равняться.

– Это честь для меня, – выдавливаю из себя я. Кришан не должен почувствовать, какую горечь у меня вызывает этот шанс. Он не виноват, что я не тот человек, которому любящие родители захотят доверить своих детей. И честно говоря, никогда им не была. Я была всего лишь хорошей актрисой. – Но ничего не получится.

Он беззвучно вздыхает. Потом делает глоток чая.

– Если тебе нужно время, чтобы подумать...

– Нет. – Размышляя об этом, я просто буду себя мучить. – Просто я неподходящий кандидат для этой работы.

Кришан мне улыбается.

– Вот тут я бы возразил. Но решать, естественно, только тебе.

– Надеюсь, ты во мне не разочарован.

Он сильно перегибается через стол, для чего ему придется почти встать, берет меня за руку, мягко отрывает ее от чашки и сжимает.

– Я слишком благодарен тебе за все годы, которые ты провела здесь, чтобы хотя бы подумать о чем-то подобном. Но

могу я быть с тобой откровенен, Ханна?

– Ты же и так всегда откровенен.

– Ты в курсе, что я не люблю давать советы, о которых меня не просили. Но тебе хочу дать один.

Я киваю в знак того, что никогда не воспринимала советы Кришана как непрошенные. На самом деле за все время, что я его знаю, он не дал мне ни одного плохого совета. Тем не менее на большинство хороших я плевала, поскольку была чертовски юна и считала, что что-то понимаю о мире, в котором на деле знала лишь один крошечный кусочек: старые трущобные улицы Киркдейла.

– То, что случилось в прошлом году... – начинает Кришан, и я, словно повинуясь рефлексу, закрываю глаза, как будто могу спрятаться в темноте от его слов. Но не получается. И забыть не получается. Последствия той единственной ошибки ни на миг не выходят у меня из головы. Но когда тебя тыкают в это носом – это не то же самое, что и необходимость говорить об этом.

Не то чтобы я не хотела об этом разговаривать. Я бы хотела.

Просто я не *могу*.

Паника не отпускает.

Так и сейчас собственное сердцебиение превращается в глухой бас в ушах, грозящий заглушить все прочие звуки. Ледяной холод тысячей иголок просачивается во все поры. Я знаю: сразу после этого меня бросит в пот.

Комната становится узкой и длинной. Чересчур узкой. Чересчур длинной. Я теряюсь в ней и расплющиваюсь.

– То, что случилось в прошлом году, тут ни при чем, – быстро произношу я.

Выдыхать. В этом весь фокус. Просто спокойно выдыхать. Тогда вдох произойдет сам собой, и никто не заметит, что со мной творится. Никто не заметит, что я падаю и падаю, глубже и глубже, и в ожидании падения, которое меня раздавит, едва способна соображать.

Виновато улыбаюсь Кришану. Он продолжал говорить, но я его не слышала. Он задал вопрос? Дал совет? Теперь в его взгляде появляется легкое беспокойство, но навряд ли он понял, что у меня паническая атака. Я заставляю себя сделать глоток чая. Пока жидкость стекает вниз по горлу, остается лишь надеяться, что она уже не очень горячая. В данный момент я бы этого не почувствовала.

– Мне просто нужно начать заново, понимаешь? – Проклятье, звучит так, будто мне больше не важны клуб и дети, что абсолютно не соответствует правде. – Я должна как-то... начать что-то новое.

Кришан медленно кивает:

– Я понимаю. Но я имею в виду не клуб. Я говорил о музыке, Ханна. Ты хочешь снова заняться музыкой?

Такой легкий вопрос. Но для меня он как ведро снега на голову. Снега, который несколько дней пролежал на обочине дороги, стал грязным, наполнился острыми ледяными оскол-

ками.

– Я... Я не знаю.

Не знаю, могу ли еще. Да сколько же можно падать?

– Не позволяй отнять ее у тебя, Ханна. Слышишь меня?

Я киваю, хотя его слова скорее просто цепляют меня, чем по-настоящему оседают внутри.

– Когда ты пришла сюда впервые, то была такой же, как сейчас. Не знала, куда идти. Не совсем понимала, кто ты вообще на самом деле. Именно такой я снова вижу тебя сейчас, Ханна. Ты ведь знаешь, кем была в последние годы, не так ли?

И вновь я киваю.

– Но сегодня ты больше не она.

Он так прав, что у меня болит сердце.

– Тогда ты это выяснила. И в этом тебе помог не я и не клуб. Это всегда делала только музыка. Доверься ей, Ханна. Она сможет сделать это еще раз.

Я не знаю, что мне делать. Не знаю, что еще могу сделать. Все, что у меня было, кажется сожженным и стертым с лица земли. С чего мне начать?

Однако еще находясь на дне отчаяния, я вспоминаю момент двухмесячной давности, когда на могиле бабушки пела *Le Moribond*. Я сумела. И сумела спеть на вокзале *Yesterday*. Причем настолько хорошо, что какой-то милый очаровательный парень позвал меня спеть в его пабе.

Его спичечный коробок до сих пор у меня. Совсем недав-

но, когда я еще была у мамы, незадолго до того, как отправилась в молодежный клуб, я зажгла одну-единственную спичку, чтобы немножко набраться смелости у маленького яркого огонька, пока он не обжег подушечки пальцев.

– Твоя гитара ведь все еще с тобой? – спрашивает Кришан.

– Конечно, – отвечаю я, чуть не запнувшись на этом коротеньком слове, потому что все слишком сложно. Я целый год не играла.

Но сейчас, в этот момент, когда я думаю о крохотном спичечном коробке, полном теплых огней; когда *Yesterday*, *Le Moribond* и тысячи других мелодий одновременно рвутся в голову и в душу, пальцы начинают болеть от тоски по струнам.

– Пообещай мне только это, – просит Кришан. – Играй свою музыку. Ты нуждаешься в ней, чтобы быть самой собой. И она нуждается в тебе, так что не бросай ее.

Сойер

Четыре недели спустя

– Шанти?

Зои так на меня смотрит, будто я предложил заманивать посетителей в «У Штертебеккера» с помощью дрессированных морских свинок. Хотя я собираюсь открываться через десять минут – более-менее пунктуально, в пять, – мы до сих пор сидим, уютно устроившись возле окна, откуда нам открывается вид на доки, и пробуем что-то наподобие вегетарианской «жабы в норке»¹⁴ – новый рецепт, который Саймон хотел испытать на нас, прежде чем угощать им гостей. Он утверждает, что недостаток мяса возместил алкоголем. И именно такой вкус имеет йоркширский пудинг¹⁵ с овощами на гриле, которые повар сначала замариновал в виски, а потом запек. К нему надо привыкнуть... но это феноменально.

– Прости, Сойер, но на какую целевую аудиторию ты рассчитывал? Людей с кардиостимуляторами, ходунками и зубными протезами?

– Осторожно. Не тебе дискриминировать окружающих за их физические недостатки.

Сестра подцепляет вилкой лист салата.

¹⁴ Традиционное блюдо британской кухни: сосиски, запеченные в кляре для йоркширского пудинга.

¹⁵ Традиционный британский пудинг из негустого кляра.

– Я серьезно.

– Я тоже. И ты права: идея воскресить тематические вечера действительно кажется мне отличной. Наверное, в последнее время я расслабился. – Это просто аномально большой объем работы для одного, а количество клиентов, которое после стольких лет продолжает так сильно колебаться, за прошлые месяцы меня доконало. (Надо признать: против колебаний в сторону прибавления не имею ничего против.) Зои вернулась в самое подходящее время. Она привнесла в паб вдохновение, а ее идеи реактивировали во мне того, о ком я почти забыл в повседневной суете.

– Тематические вечера – это супер, – соглашается Зои. – Но темы должны быть крутыми. Старыми песнями моряков можно привлечь максимум старых седых моряков. Ты этого хочешь?

– Они пьют в три раза больше, чем все остальные, – парирую я, едва не закашлявшись от того, как сухо прозвучала эта фраза. – И, несмотря на это, нормально себя ведут. В большинстве случаев. Конечно, я хочу.

– Когда же ты наконец вырастешь?

Я показываю ей язык.

– Не скажу. Кроме того, по-моему, ты ошибаешься. Шанти клевые. Они простые и запоминающиеся, и после двух пинт любой сможет подпевать.

– Ясно. А когда подпеваешь, пересыхает в горле, что ведет к новым заказам. Этому учат в школе барменов?

Словом «бармен» она старается меня оскорбить, но я на такое не ведусь.

– Шанти станут трендом. Печенкой чую.

– Ты другим местом что-то чувствуешь.

Я не сдерживаю смех.

– Я бы не рискнул это проверять. Но давай не будем ссориться. Что ты предлагаешь? И даже не начинай про *Beatles*. Туристов обрабатывают ими из каждого угла. Нам реально не стоит повторять это и тут. Я пока не настолько отчаялся.

Зои со вздохом откладывает приборы.

– А должен бы. Ты хоть заглядывал в бухгалтерские книги?

Моя вилка замирает в воздухе над куском йоркширского пудинга. В итоге я кладу ее обратно на тарелку.

– Ты на одну университетскую степень впереди меня, сестренка. Но тем не менее я в курсе, что еще не совсем разорился.

Зои театрально всплескивает руками.

– Но близок к этому. Дела могли бы идти намного, намного лучше. Правда, попробуй устраивать тематические вечера. И, – она жестом велит мне молчать, когда я пытаюсь сказать, что в этом ведь и состоял мой план, – выбирай темы, опираясь не на свой вкус. Он ужасен, Сойер. Всегда таким был, таким и останется.

– Кто ты? Моя сестра или Ее Величество Великая Толковательница?

– Можешь спросить у своих завсегдатаев, как они себе это представляют! И нет, я имею в виду не Седрика, Билли и Оливию. И не *Кристину* тоже.

Меня раздражает ее манера выделять имя Крис. А еще больше раздражает, что Зои знает, как сильно меня это раздражает. Видимо, в некоторых вопросах братья и сестры в своем общении навсегда остаются на интеллектуальном уровне маленьких детей.

– Кстати, что вообще между вами? – тут же зацепляется за тему Зои. – Это что-то серьезное или?..

– Скорее загадочное «или». – Но я и сам не уверен. Только в том, что это «или» между Крис и мной продолжается с тех пор, как она появилась здесь несколько недель назад.

Зои становится серьезной. Ее губы складываются в беззвучное «О». В одной сестре нужно отдать должное: она может довести меня до белого каления, а потом за считанные секунды переключиться в режим эмпатии. И я невольно переключаюсь вместе с ней. Подозреваю, она тайком уселась за пульт дистанционного управления, при помощи которого щелкает мои режимы.

– В чем дело? – сочувственно спрашивает она. – Мне казалось, вы, ребята, весело проводите время.

– Однозначно. С весельем как раз никаких проблем.

– Свинья, – отвечает она с пошлой усмешкой.

– Это немного странно. Я так долго грезил о том, как бы все было, если бы Крис тогда выбрала меня. А теперь это... –

Просто развлечение. И ничего больше. – Что-то будто бы неполноценное.

– Ты боишься, что при первой же возможности она опять найдет себе какого-нибудь высокомерного ублюдка?

– Эй. Он не высокомерный ублюдок.

– Но тогда весьма убедительно им прикидывался.

Я поправляю трилби на голове.

– Все это просто спектакль.

– На который Крис, увы, купилась.

У меня вырывается стон:

– Ты бесишь, Зои.

Нелестная оценка ничуть ее не смущает.

– Тебя бесит, что я ковыряю пальцем у тебя в открытой ране. Ты терпеть не можешь, когда я права. Однако это не отменяет того факта, что ты не можешь нормально сойтись с этой красивой, крышесносной, мегасексуальной Крис, так как боишься разочароваться из-за того, что...

Я только что положил в рот кусок пудинга, но не могу сопротивляться желанию ее перебить.

– Ты что, втайне изучала психологию как второй профиль?

– Не разговаривай с полным ртом, у нашей мамочки желудок бы узлом завязался, если бы она это увидела. – Зои приторно улыбается. – У меня природный дар к психологии. Seriously! Ты парень мечты, Соьер. Ты веселый, добрый, сообразительный...

– ...потрясно выгляжу.

Она покачивает головой из стороны в сторону.

– По крайней мере, приемлемо. Тебе бы не помешало чаще ходить на тренировки. Ты становишься бесформенным.

– А ты становишься поверхностной. Как это хотя бы должно выглядеть?

Зои смеется.

– Так или иначе, ты отличный парень. Я бы сама в тебя влюбилась...

– Фу, Зои, что за наклонности?

– ... не будь мы близкими родственниками. Откуда вообще взялся этот страх, что все девчонки будут сбегать от тебя с первым попавшимся козлом?

Первым импульсом было начать отрицать, что у меня есть такой страх. Но Зои не совсем права.

Друзья называют честность лучшим из моих качеств. Я не лгу, и это никак не связано с тем, что мои моральные принципы выше, чем у других. Это абсолютно не так. Просто лежец из меня хреновый. Так что я редко пытаюсь это сделать.

– Опыт, – со вздохом отвечаю я и разочарованно кладу приборы рядом с тарелкой. – Так всегда бывает. Девчонки появляются у меня в баре, тоска в глазах и невысказанная грусть в уголках губ. Мы разговариваем, я каким-то образом зажигаюсь мыслью стать тем, кто вновь заставит эти глаза светиться. Дальше все некоторое время идет хорошо, иногда пару часов, иногда пару недель. А затем им наскучивает ми-

лый парень из бара, и они начинают флиртовать с мистером Темная Тайна.

– С высокомерными ублюдками, – невозмутимо поправляет меня Зои. – Они западают на них по принципу Черного Красавчика. Помнишь фильм?

– Он о... лошадях. По-моему. – Зои помнит все, что связано с лошадьми. Этого не изменил даже несчастный случай.

– Точно, о великолепном черном жеребце, которого люди так измучили, что он стал неуправляемым и опасным. Для всех. Кроме, конечно, той самой единственной девочки, которая любит его, несмотря ни на что. Ей – и только ей – он доверяет, а ее любовь исцеляет все его травмы.

– Вот о чем мечтают девушки? – Я выгибаю проколотую бровь. – Если я скажу что-то в таком духе, ты меня ударишь и заорешь: «Сексист хренов!»

– Причем за дело, – кивнув, подтверждает сестра. – Разумеется, не все девушки об этом мечтают. Но многие. А некоторые еще годы спустя мечтают приручить дикого жеребца своей любовью. Вот только речь уже не о лошадях. Сказать тебе кое-что?

– Это так и остается мечтами?

– Именно. Потому что такие парни – не Черные Красавчики с тяжелым жизненным опытом, которые могут завести с кем-то здоровые отношения. Они просто ублюдки, потому что так пользуются успехом.

Я делаю глоток пива.

– Так какой же совет ты мне дашь, о мудрая младшая сестра? Прикинуться ради Крис диким жеребцом?

Зои откашливается.

– Не надо. Очарование человеческими Черными Красавчиками, в отличие от четвероногих, в какой-то момент исчерпывается. И тогда эти женщины отправляются искать настоящего друга, которого не нужно спасать и нет необходимости клеймить жеребца. – Зои облакачивается на спинку кресла и морщит лоб. – Как, черт возьми, мы в принципе перешли на тему лошадей?

– Ты хочешь мне этим что-то сказать? – Мне давно известно, что она снова ездит верхом. Мне сразу следовало догадаться. Зои не из тех, кого можно отговорить от чего-то, что она любит. Даже из-за несчастного случая, который в четырнадцать лет чуть не стоил ей жизни. Едва она очнулась от искусственной комы после экстренных операций, сразу захотела знать, все ли в порядке с лошадьёю, с которой она упала. Тогда, в шестнадцать лет, меня приводило в ярость, что на кобыле не осталось ни царапинки, в то время как сестра оказалась парализована ниже пояса. Навсегда, черт возьми. Сейчас же я за это благодарен. Зои сделала выводы из этого несчастного случая. Она вела себя бесшабашно и допустила ошибку. Она может жить с последствиями – а что ей еще остается? Но если бы лошадь сильно пострадала, к сломанному позвоночнику сестры присоединилось бы разбитое сердце.

Зои кусает коготь на большом пальце.

– Ты видел шлем для верховой езды, когда встречал меня на вокзале.

– Я знал, что ты снова села в седло, еще до твоего отъезда в Лондон. Лошади пахнут, Зои.

Она мотает головой.

– Но тогда я просто смотрела. А в Лондоне снова начала. Сперва на лошади для терапии, с сопровождением или шагом на корде. Но... это чем-то похоже на езду на велосипеде.

– Невозможно разучиться?

Зои улыбается от уха до уха.

– Нет. Обычно большую часть работы ты делаешь ногами. Но если надо, есть и другой способ.

Ну что тут скажешь, Зои? Лучше не буду вообще ничего говорить. Это было бы неправильно.

– Я поэтому раньше вернулась. Из-за Люси.

– Люси, значит. Твоя лошадь?

Ее карие глаза светятся золотом.

– У меня доверенность на право пользования лошадью, три раза в неделю. Она содержится в конюшне для людей с ограниченными возможностями на окраине города.

Я пытаюсь представить себе, как можно сделать конюшню доступной для кресла-каталки, однако она, как всегда, читает мои мысли, прежде чем я прихожу к каким-либо выводам.

– Высокие подставки, чтобы залезать на лошадь, – поясняет она, – электрические тележки для навоза и никаких б-

б-б-бульжников во дворе.

– Понятно. И ты же осторожна, да?

– Нет, я мечтаю, чтобы в мой скелет опять воткнули кучу металла, потому что это жуть как круто. – Она вздыхает. – Пожалуйста, не садись на этого конька, с гиперопекой и папа справится. Кстати, как раз об этом я и хотела бы еще с тобой поговорить: ты ведь не скажешь ничего маме с папой, правда?

Я же не сумасшедший! У них сорвет крышу. Папа до сих пор задерживает дыхание, когда Зои в коляске просто заезжает на бордюр. Можно было бы предположить, что учеба Зои в Лондоне немного успокоит родителей, все-таки она доказала, что способна жить одна. Однако все стало только хуже. Теперь они не доверяют ей даже готовить завтрак и, наверное, расслабятся, лишь когда приедет Джонатан, так как считают, будто он пылинки с нее сдувает, чтобы она не дай бог не поранилась.

– Рано или поздно они все узнают, – вслух рассуждаю я.

– Не раньше, чем я начну выступать с прыжками на Паралимпийских играх, – легкомысленно заявляет Зои, и я совсем не уверен, что это шутка.

Она хохочет.

– Я просто прикалываюсь. Сейчас я занимаюсь выездкой.

А я слишком мало разбираюсь в лошадях, чтобы судить, намного ли это безопасней.

– Я не хочу врать, если родители спросят, – но ради Зои,

конечно, попробую, – и очень не хочу оказаться поблизости, если они выяснят это случайно. Вероятно, мама тогда взорвется, и образуется черная дыра, в которую засосет весь город. Ты должна рассказать им, и тебе это прекрасно известно.

Обычно такая открытая улыбка Зои становится вымученной.

– Я жду подходящего момента.

– И сколько ты уже ждешь? Один или два года? – Сарказм редко помогает продвинуться вперед, но отсутствие сарказма – тоже не вариант.

– Три, – с обезоруживающей честностью откликается Зои.

– Уже три года? – Я присвистываю сквозь зубы. – Ну. Три года без падений.

– Без падений с последствиями.

Теперь я тяжело сглатываю.

– О'кей. И после трех лет ты еще не на олимпийском уровне? Как ты вообще продержалась три года, не прислав мне ни одной фотографии?

Я вызвал бурю. Сознательно и с полным пониманием того, что делаю.

Следующие двадцать минут я смотрю на смартфоне Зои больше фото и видео с лошадьми, чем видел за все свои двадцать пять лет. Узнаю о свойствах повышения интенсивности рыси; о медленном аллуре; рассматриваю все детали специально модифицированного седла Зои и восхищенно на-

блюдаю, как сестра очень сосредоточенно небольшими кругами скачет галопом по песку манежа на очень, очень крупной черно-коричневой лошади: вольты, как назвала это Зои, чтобы лошадь ходила на задних ногах (на которых она и так шла до кругов, между прочим... но подобный комментарий, скорее всего, разрушил бы впечатление, будто я в этом разбираюсь).

Зои явно рада, что наконец снова может обсудить со мной свою главную страсть, поэтому я с большой неохотой перебиваю ее, когда звонит телефон. Но Лиззи, естественно, еще нет, а Саймон возится на кухне. Так что у меня не остается иного выбора, кроме как подойти самому.

– Кстати! – кричит мне вслед Зои. – Хотела дать тебе еще один хороший совет: вышвырни уже Лиззи, в конце концов. Расписание я тоже проверила, и она в очередной раз опаздывает!

Я ограничиваюсь тем, что вместо ответа посылаю ей воздушный поцелуй и одновременно поднимаю в ее сторону средний палец. Если этот паб правда когда-нибудь разорится, Лиззи будет последней, кого я уволю.

– На проводе «У Штертебеккера», и ты говоришь с Сойером, – произношу я в трубку древнего дискового телефона, который стоит на столе в кабинете.

На другом конце связи тишина. И когда я уже собирался добавить «Алло?», раздается тихое:

– Привет.

Пауза, затем неловкий смех, который вызывает у меня странное покалывание в животе.

Ханна

– Не знаю, помнишь ли ты, – говорю я и набираю побольше воздуха в легкие. – Но тебе все еще нужен кто-нибудь, кто спасет твою задницу?

И вслушиваюсь в пустоту. Только музыка на заднем фоне и негромкое гроыхание указывают на то, что он не положил трубку. Тревожность нарастает, и я сажусь на крышку унитаза, чтобы не видеть в зеркало, как я заикаюсь в тесной маминой ванной. Собиралась ведь сказать все совсем по-другому... и как у меня только вырвались эти бессмысленные слова?

– Прости, ты наверняка уже забыл. Мы как-то случайно встретились на...

– Лайм-стрит, да, – наконец отвечает Соьер Ричардсон. Его голос звучит мягко и дружелюбно, а не так, словно я совсем обнаглела. Кажется, его это скорее позабавило. – Конечно, я помню. Ты пела *Yesterday*. А мне все равно понравилось. Я уже три месяца жду твоего звонка.

Если так он планировал меня смутить, то у него получилось. Уши пылают огнем. Хорошо, что он этого не видит.

– Да, я... у меня были кое-какие трудности, но... – Как назло, если у тебя хороший слух, по голосу на самом деле можно понять, что у кого-то горят уши. – Но если тебе до сих пор нужен певец, то, возможно, в ближайшее время это

можно будет организовать.

– Значит, ты все-таки вернулась в Ливерпуль?

– Пока еще нет. Но скоро вернусь.

– Рад слышать.

Я молчу в трубку и слишком поздно соображаю, как обычно протекают такие диалоги.

Ты говоришь. Другой человек отвечает. А потом ты сама снова что-то говоришь. По очереди.

Пару мгновений мне при всем желании не удастся придумать, что сказать. В голове кружатся мысли, которые так мало связаны друг с другом, что в принципе не должны уместиться в одном сознании. Разговор с Сойером Ричардсоном невыносимо сильно напоминает мне о дне, когда мы хоронили ба. Во время церемонии я держалась хорошо, сохраняла спокойствие, и похороны даже показались мне в каком-то нездоровом смысле красивыми. Они были достойны бабушки. Срыв случился гораздо позже, вечером. Когда стало ясно, что мой мир больше никогда не будет прежним, потому что из него исчез незаменимый человек. Навсегда. И никто никогда не сможет этого изменить.

Теперь я думаю о том вечере, о той ночи.

И в то же время о том, что голос Сойера Ричардсона – тогда я этого почти не заметила – творит с моей головой нечто, на что раньше была способна лишь музыка. Я перестаю слышать весь остальной шум этого мира и чувствую себя так странно... нормально.

– Ау? Певица? Ты еще тут?

Уткнувшись лбом в сжатый кулак, я беззвучно вздыхаю.

Два варианта: положить трубку и больше никогда об этом не думать или...

– Да. Да, я тут, извини. Кажется, связь ненадолго прервалась.

Класс, Ханна. Соври ему.

– Связь?

Наверное, помехи со связью обычно слышно. Ну круто. Супер.

– Да. Связь между мозгом и речевым центром.

Он тихо смеется. Лучше пусть прекратит, иначе у меня перегорят и другие центры связи.

– У меня тоже иногда бывает. Боязнь сцены?

– Нет. Ненавижу разговаривать по телефону. – Это не ложь.

– И тем не менее ты мне позвонила? Осторожно. А то я подумаю...

Что? ЧТО?

Подумаешь, что это из-за тебя я так нервничаю?

– ... что ты правда хочешь эту работу.

– А я правда хочу. – Я как будто должна. Должна по крайней мере себе доказать, что у меня еще получается, что я все еще это умею. Что Хейл внутри меня еще не безвозвратно потерялась за долгий прошлый год. – Я немного нервничаю, потому что вела себя на вокзале как полная дура.

Он не перебивает меня со словами: «Да ты что, ничего подобного», а продолжает слушать. Видимо, честный малый.

– Просто у меня тогда выдался кошмарный день. Какой-то парень сбил меня с ног и украл кошелек и билет на поезд, а я ужасно спешила.

– Я заметил, – говорит он. – Ты была словно в панике. И тем не менее смогла спеть, как будто ничего не произошло. Куда ты так торопилась?

Я сглатываю. И хотя на самом деле это его не касается, и последнее, чего я жду – это жалость, в ту же секунду, как он добавляет: «Прости, это вообще меня не касается», я отвечаю:

– На похороны бабушки.

На мгновение мы замолкаем, и я спрашиваю себя, что именно сегодня постоянно заставляет меня выбалтывать вещи, которыми я бы предпочла ни с кем не делиться.

– Она была уже старой. И болела.

– Люди умирают, когда становятся старыми и больными, – спокойно произносит этот Сойер. – Это вполне естественно. Нормально. Такое случается каждый день.

Я собиралась что-то ответить, но слова застревают в горле. Что он пытается этим сказать? Что не надо так выпендриваться, потому что старые больные люди иногда умирают? На языке вертится: «Просто забудь, ты ведь понятия не имеешь!»

Но тут он продолжает:

– Но лучше от этого не становится, верно? Тому, кто умирает, возможно. Надеюсь. Но не остальным. Абсолютно не важно, каким старым или больным был человек, если кому-то его не хватает.

– Ненамного лучше, да. Недостаточно.

– Мне очень жаль, – негромко говорит он, незнакомый парень, который держит собственный паб и мало платит за выступления. Но при этом он первый, в случае с кем я думаю – нет, я откуда-то это *знаю*, – что он говорит это искренне. – А я нервную тебя своей плохо оплачиваемой работой.

– Все в порядке. Я была благодарна, что смогла отвлечься. И за спички. Позже мне пригодилась одна, чтобы зажечь свечку. – У меня вырывается тихий смех, хотя от воспоминания о колеблющейся на ветру поминальной свече на глаза наворачиваются слезы.

– Что смешного? – спрашивает он тоном, полным иронии и сочувствия – поразительное сочетание. Странное. Но очень гармоничное. – Разве ты не каждый день обсуждаешь с незнакомыми людьми такие личные вещи?

– Вообще-то нет, отнюдь нет. – Даже с не совсем незнакомыми. Уже давно.

Однако в памяти вдруг всплывает, что он хозяин паба. Вероятно, он постоянно выслушивает трагичные истории людей, которые опрокидывают за стойкой один бокал за другим, а потом хотят выговориться. Хорошие бармены это умеют: развязывать другим языки. Тот, кто болтает, пьет. У ме-

ня тоже уже совсем пересохло во рту.

– Думаю, чтобы поговорить, мне нужен профессионал.

– Всегда к твоим услугам. – На этот раз чистая ирония, уверена.

– Возвращаясь к работе...

– Да! – Похоже, он чуть ли не благодарен за смену темы. –

Когда ты сможешь прийти на прослушивание?

Прослушивание? Он серьезно?

– Ты же уже слышал, как я пою.

Его смех звучит немного неприлично, и я по какой-то причине думаю о его глазах. У меня в голове сохранился его точный образ, я помню, что у него серебряное колечко в брови и выразительные умные глаза, но не помню, карие они или зеленые. Или каре-зеленые?

– Ты пела *Yesterday*. Тебя можно понять. Тебе нужны были деньги, я не осуждаю.

– Как любезно с твоей стороны.

– Очень. Но достаточно ли этого для моего паба... хмм. В этом мне нужно убедиться. Кроме того, нам надо обсудить твой гонорар, и я бы с радостью угостил тебя выпивкой.

– Я должна выпить себе зарплату?

– О да. Когда ты свободна? Мне удобнее всего после обеда, перед открытием.

Мне очень, очень подходит.

– После обеда я всегда свободна.

– Завтра? – предлагает он. Потом быстро перекидывается

с кем-то парой фраз. И, видимо, прикрывает рукой трубку, потому что мне слышны лишь приглушенные голоса.

– Послезавтра. – Завтра у меня назначена одна встреча, и как бы ни хотелось перенести ее или лучше вообще отменить, сделать это я не могу.

– С нетерпением жду послезавтра. В три? Адрес у тебя есть.

– Есть, да. – Я сохранила коробок с корабликом. Спички я оттуда вынула, но периодически разглядываю старомодное парусное судно и задаюсь вопросом, куда же оно плывет.

– О'кей. А имя я узнаю?

– Что? – Первые пару секунд я не могу понять, о чем он. А потом соображаю, что Соьер до сих пор не знает, как меня зовут. Странно, мы ведь уже так долго разговариваем. Но я совсем забыла назвать свое имя. – Эмм, прошу прощения, конечно. Я... Меня зовут Хейл.

На мгновение воцаряется тишина.

– Хейл?

– Да. Х – Е – Й – Л. – Пускай в моей ситуации смешно продолжать носить сценический псевдоним... Но ведь эта ситуация была такой не всегда, и, как почти все музыканты, я в какой-то степени раба привычки: на сцене я Хейл.

– Как комета Хейла-Боппа, – отвечает Соьер. По голосу слышно, что он улыбается.

– Что в этом смешного?

Он издает низкий звук, который может означать одновре-

менно все и ничего.

– Может, я когда-нибудь тебе ее покажу.

Оттенок обещания в его словах заставляет волоски у меня на затылке приподняться от легкого покалывания. Приятное ощущение. Но именно оно неожиданно пробуждает во мне сомнения.

Я боюсь, что совершаю ошибку. Я почти уверена.

Но мне так хочется снова петь.

Ханна

– Ты разговаривала по телефону в туалете?

Мама, с которой я совершенно точно не по чистой случайности встречаюсь в коридоре, скептически смотрит на меня.

Усмехнувшись, я говорю «да», как будто в мире нет ничего более нормального, чем запереться в ванной, чтобы поболтать по телефону. Во времена, когда я была подростком, действительно так и было, потому что моя комната граничит с маминной, которую она использует и как спальню, и как гостиную. А сквозь тонкие как бумага стены можно подслушать каждое слово.

Непривычно три года спустя снова переехать в свою старую комнату в ее маленьком доме. Хотя нас с мамой всегда связывали хорошие отношения, последний год оставил на них свой след. Мы обе знаем, что мое возвращение домой будет только временным решением, пока я опять не смогу сама платить за съемную квартиру.

– С кем ты так долго разговаривала? – спрашивает мама, когда я следую за ней на кухню. Я собиралась почистить и поставить вариться картошку, но она уже сделала это сама.

– С парнем, который хочет нанять меня на работу.

Радостное удивление у нее на лице заставляет меня пожалеть о выборе слов. Черт, прозвучало так, словно это что-то серьезное. Как что-то, чего она для меня желает. Она не

проявила ни капли понимания к тому, что я отказалась от предложения Кришана, и с тех пор каждый день интересуется, как продвигаются поиски работы.

– Ничего особенного. Выступление в пабе. Но музыка...

Она вздыхает и поправляет хвост на затылке. Раньше у нее были такие же кудри орехового цвета, как у меня, но сейчас их пронизывают серебристые пряди.

– Работа за ящик пива, значит. Ты серьезно, Ханна? Разве сейчас тебе это как-то поможет?

Протиснувшись мимо нее к плите, я помешиваю соус, кипящий на медленном огне.

– Да.

– Я надеялась, что ты начнешь вести себя более реалистично. – Она не со зла, и мне приходится напоминать себе об этом, чтобы не обижаться. Или хотя бы не слишком сильно. – Знаю, когда-то ты прошла длинный путь. Но для этого потребовалось много удачи.

Я ее использовала, эту удачу. Потратила. И израсходовала. Я в курсе.

– А такая удача не повторяется в жизни дважды, – заканчивает мысль мама.

Она стоит позади меня, и даже не видя ее лицо, я знаю, что она смотрит на старый, выцветший полароидный снимок, который висит на холодильнике. На нем она и папа в моем возрасте сидят здесь, в этом доме, на кухонном полу и едят пиццу из картонной коробки. В тот день они только

въехали сюда, почти не имея мебели, без электричества и проточной воды. Они были невероятно счастливы вместе и еще, наверное, даже не думали заводить ребенка. Судя по тому, как они светятся на нечеткой фотографии, про ребенка, который уже был у папы, они тоже сумели благополучно забыть.

Мысль о том, что за этой внешней картинкой уже скрывались проблемы, посещает меня – и даже становится как-то неловко – в первый раз. Несмотря на постоянную занятость работой, тесноту и неоплаченные счета, я очень долго думала, что родители – пара мечты. Воплощение любви и романтики – вопреки всему. Для всех стало потрясением, когда они развелись. С тех пор мама утверждает, что уже пережила великую любовь и не будет второй раз просить у жизни такого счастья.

– А может, повторяется, – бормочу я, наверное больше себе самой, чем ей. – Но если не попробуешь, никогда не узнаешь. – Кладу венчик в раковину и уменьшаю огонь, пока не выкипела вода в кастрюле с картошкой. – Но не волнуйся. Это выступление – не *старт несомненно головокружительной карьеры*.

Мама в курсе, над кем я насмехаюсь, когда так говорю. Хвастливые владельцы баров вечно клянутся, что к ним то и дело заглядывают искатели новых талантов, агенты и боссы известных лейблов и только и ждут, как бы заключить контракт с низкооплачиваемым артистом, который мешает

людям общаться или терпит недовольный свист из зала, потому что публика хочет посмотреть футбольный матч, а не слушать живую музыку. Разумеется, все это ерунда: я знаю это, с тех пор как в пятнадцать лет в первый и последний раз повелась на такие обещания.

Однако Соьер Ричардсон, который выглядит довольно молодым и чересчур дружелюбным для хозяина паба в доках, ничего не обещал. Он попросил о помощи.

– Я делаю это не ради денег. Я делаю это ради музыки. И ради себя самой.

Мне слышно, как мама вздыхает. Потом ставит чашку и доликает чай.

– Я просто беспокоюсь, Ханна.

– Знаю. – Я до сих пор не сказала ей, что Аллен, в офисе художественной мастерской которого я раньше работала, к сожалению, больше не может взять меня на эту должность. Он бы взял, написал он мне в электронном письме. Но, естественно, уже нанял нового сотрудника и не может уволить его только из-за того, что опять появилась я. Нет, Аллен честный парень. Но хочет сделать мне сертификат, с которым я могла бы выдать себя за няню в Букингемском дворце. – Я ничего не жду от этого выступления, – говорю я, оглянувшись на маму. У нее такой вид, будто я вот-вот совершу очередную глупость, которая разрушит мою жизнь. На этот раз окончательно.

А я ведь просто хочу петь. Время от времени, если не по-

лучится по-другому. Не обязательно второй раз грезить о карьере. Но иногда снова брать в руки гитару и пробуждать эмоции звуками – этого я хочу. Я хочу, чтобы меня слышали.

Кришан прав, я в этом нуждаюсь.

– Я просто хочу убедиться, что все еще могу достучаться до людей. – Что я все еще Хейл. – А если за это и ящик пива дадут, то хотя бы Лейн обрадуется.

– Иди сюда, – ворчит мама. Она ставит кружку на стол, раскрывает объятия и ждет, пока я подойду, чтобы прижать меня к груди.

У меня заходится сердце. Она целую вечность не обнимала меня по-настоящему. Ни разу, с тех пор как поклялась, что никогда меня не простит.

Вспомнив об этом, я невольно цепенею.

По ней не скажешь, что она меня не простила. Она переживает и помогает во всем, что мне нужно, чтобы снова встать на ноги.

Но те слова она так и не взяла назад.

Сойер

Если отполирую стойку еще немного, то смогу проверять в ореховом дереве, хорошо ли на мне сидит шляпа.

Недавно Седрик после пары сообщений в *WhatsApp* несколько раз спросил меня, почему я нервничаю. Откуда он вообще узнал, что я нервничаю? И почему я *правда* нервничаю? Потому что зайдет певица, которой от *меня* что-то нужно – а именно концерт?

Как обычно, «У Штертебеккера» кажется странно заброшенным, когда тут никого нет, кроме меня. Закрытый паб чем-то напоминает корабль-призрак. Стулья, сцена, бочки-столики и лодки с веслами, выполняющие функцию диванов, – все они выглядят грустно, когда нет посетителей, а каждый звук громко отражается в пустом помещении. Стекла и витражные абажуры притягивают пыль, как будто пытаются спрятаться, потому что стыдятся своего бессмысленного существования. Не могу себе представить, что когда-нибудь закрою этот паб. Наверное, тогда я и на втором этаже больше жить не смогу, так как мне будут мерещиться звуки бродящих внизу клиентов.

Эта мысль заставляет меня рассмеяться над самим собой. В тот же момент сквозь приоткрытую для проветривания переднюю дверь падает тень. Сначала я вижу только тоненький силуэт – намного тоньше, чем ожидал. В нашу первую

встречу Хейл буквально тонула в мешковатой парке. Сегодня она одета во что-то, подчеркивающее ее миниатюрную фигуру, хотя мне пока и не видно, во что именно. Свет послеполуденного солнца играет в ее локонах, и, скорее всего, она сейчас рассматривает красно-белую табличку прямо над входом: «Парни и девчонки Ливерпуля, поддержите наши местные группы».

Ей должно понравиться.

– Привет, – говорит она. – Извини, я немного опоздала.

Я отмахиваюсь:

– Тут все в первый раз опаздывают. Я тоже. Если бы ты пришла вовремя, то стояла бы перед дверью.

– Начинаю понимать, почему твою задницу нужно спасать. Я уже собиралась поворачивать обратно, поскольку подумала, что вряд ли здесь будет еще паб. Может, тебе вывеску повесить?

– Ты уже приступила к спасательной операции?

Была уже такая вывеска, причем не одна. Но моя идея оформить деревянную табличку в виде корабля оказалась даже слишком хороша: ее крали быстрее, чем она успевала привлечь клиентов.

– Заходи, я тебе все покажу.

Когда она переступает порог, я замечаю, что у нее с собой гитара: она принесла ее в чехле за спиной. Хейл с любопытством осматривается.

– Бар, стулья, лодки, чтобы почилить, – без необходимо-

сти говорю я. – Пол, потолок... еще у меня есть воздух.

– Да, ты прав. Похоже, это действительно паб. – Хейл улыбается, что, в свою очередь, вызывает улыбку у меня. Просто потому, что я не ошибся: именно такой я представлял себе ее улыбку. У нее синие глаза – я точно помню. Но при тусклом свете они кажутся очень темными.

– Представить тебе все свечи на столах по именам? – Чувствую себя идиотом.

– У меня ужасная память на имена, – серьезно отвечает она. – Но объясни, что за название у паба. «У Шторте... Штерте...»

– «У Штертебеккера».

– Звучит... по-шведски?

– Близко, но мимо. По-немецки. Говорят, Клаус Штертебеккер был пиратом в XIV веке.

Ее взгляд скользит по открыткам и фотографиям кораблей и портов за барной стойкой.

– А ты любишь истории про пиратов?

– А какой мальчишка их не любит? – возмущенно откликаюсь я. – Но прежде всего я хотел позлить родителей. Это место называлось Yellow Submarine¹⁶, пока я его не переименовал. Из-за туристов. Я решил доказать, что можно держать паб, не скатываясь в такую пошлятину.

У нее на губах по-прежнему играет милая улыбка.

– Ясно. И поэтому, значит, теперь твою задницу нужно

¹⁶ Название одной из наиболее известных песен группы *The Beatles*.

спасать?

Я пожимаю плечами:

– Сама видишь: посетителей нет.

Она смотрит на большие ретро-часы над баром.

– Как драматично. Почти два часа до открытия, а перед дверью еще никто не стоит и не ждет, когда его впустят.

– Вижу, ты поняла проблему во всем ее страшном масштабе. Давай это изменим.

Я ловлю себя на том, что слишком долго смотрю на нее, пытаюсь разглядеть синеву в ее глазах, но все равно ничего не могу с собой поделаться. Сначала ее улыбка становится шире, а потом она смущенно отводит взгляд, и он падает на маленькую сцену в дальнем конце зала, перемещается на гитару, микрофонную стойку и останавливается на рояле.

– Ты играешь?

Мы задаем этот вопрос одновременно. Неловкий момент, и секунду мы смотрим друг на друга с одинаковым замешательством.

Я первым качаю головой:

– Всегда хотел научиться, но... С «Собачьим вальсом» я справляюсь. На большее не способен.

– Наверняка у хозяина такого заведения всегда много дел. – Хейл поднимается по единственной ступеньке. Подушечки ее пальцев гладят веревку, которой огорожена сцена, затем она кладет на пол сперва свою гитару, а за ней – джинсовую куртку.

– Не жди чего-то особенного. Большинство произведений я разучивала сама.

– На чем ты еще играешь? – Я остаюсь стоять между столиками, в то время как она садится за рояль. И на краткий миг прикрывает глаза, когда кончики ее пальцев касаются клавиш, но не нажимают ни на одну.

– На скрипке, – негромко произносит она. – Но ее у меня нет.

А я уже и не рассчитывал на ответ. Мне знакомо чувство, в которое она окунулась: Хейл уже мысленно воспроизводит мелодию, ноты которой знает наизусть.

– Думаю, ты принята. Что будешь пить?

Она ненадолго замирает. На мгновение все ее внимание сосредотачивается на мне, и она размышляет, как будто принимает важное решение: что же хочет выпить после обеда.

– Может, колу? Или нет, подожди... У тебя есть капучино, кофе с молоком или что-то типа того?

– Конечно. – Развернувшись, я направляюсь к кофемашине за баром, и в чашку льется флэт уайт. Дурацкая мода рисовать узоры на кофе, к счастью, уже прошла, и тем не менее я спохватываюсь уже после того, как беру деревянную палочку и изображаю на молочной пенке очертания парусника. Хейл между тем пробует несколько нот, а я втайне благодарю Седрика, потому что без его брюзжания, вероятно, опять отложил бы настройку рояля.

Хейл спрыгивает со сцены, когда я заканчиваю готовить

кофе, идет мне навстречу до самой барной стойки и берет кружку.

– Мне вечно снится один и тот же кошмар, – говорит она с робкой усмешкой, – в котором я разливаю что-то на «Бехштейн»¹⁷.

– У меня, слава богу, не «Бехштейн». Мой рояль пережил уже один или два пивных душа.

Она улыбается над чашкой, где пенный кораблик уже лишился паруса.

– Похоже на ту лодочку перед дверью.

Я наклоняюсь вперед, чуть ближе к ней, чтобы лучше видеть. Она не пользовалась парфюмом, я чувствую только легкий запах шампуня и что-то теплое и мягкое.

– Ты права. Без паруса он выглядит как «Мингалей». – Как она вообще обратила внимание на старую маленькую моторную лодку у причала?

– Она принадлежит пабу?

– Она принадлежит только мне.

Ее взгляд встречается с моим. Быстрый и глубокий взгляд, от которого у меня сердце уходит в пятки. Боже. Она милая. Я заметил это на вокзале и убедился в этом во время телефонного разговора. И все равно меня поражает, насколько она на самом деле милая.

Хейл собирается что-то сказать, но, передумав, просто отступает на шаг назад и отворачивается. Первым порывом

¹⁷ Крупная немецкая компания по производству пианино и роялей.

было снова сократить расстояние между нами, потому что – черт возьми – ее застенчивое поведение срабатывает как сила притяжения, на которую мое тело словно рефлекторно стремится ответить. Я остаюсь на месте только из-за того, что мозг генерирует полупонятные предостережения: она подумает, что я к ней пристаю.

Что это был за взгляд? В первый момент я четко увидел желание. А во второй – испуг.

– Я не совершаю на ней налеты на круизные лайнеры с туристами, – неловко выдаю я. – Если ты вдруг так подумала.

– Жаль. Звучит захватывающе. – Она отпивает кофе, после чего ставит чашку и сбегает обратно на сцену, словно ей необходимо отдалиться от меня на максимальную дистанцию.

– Изначально я готовила кое-что другое, но сейчас мне в голову пришла новая идея. Хотя насчет текста я не уверена, и... не важно. – Она достает свою гитару, прислоняется поясницей к барному табурету, который для нее слишком высок, и наигрывает мелодию, которую я тут же узнаю: это *Mingulay Boat Song*.

Я отлично запомнил ее голос, когда она пела *Yesterday*. Теперь же, в этой очень старой шотландской песне, рассказывающей о глубокой тоске по родной гавани, он звучит совершенно иначе. Шанти оживают в многозвучии высоких и низких голосов, которые дополняют и подчеркивают друг друга, делая инструменты излишними. Когда их исполняет один

голос, они звучат просто и невыразительно. Обычно.

Однако голосу Хейл не нужны другие. Она поет не старую народную песню, которую пели тысячи людей до нее. С закрытыми глазами под звуки гитары она своим прекрасным голосом пробуждает к жизни чувство, о котором рассказывается в песне.

После первого припева она останавливается и с забавным видом приподнимает плечи.

– Текст не ложится, так и знала.

Я бы ничего не заметил, даже пой она бесконечно одну и ту же строчку.

– И ты, наверное, тоже думал о чем-то другом.

Хейл выглядит неуверенно, и я жалею, что промолчал. Она не должна решить, что мне не понравилось. Но если я признаюсь, как глубоко меня тронуло сочетание ее голоса и старинной песни, которую я полюбил еще в детстве, в лучшем случае она будет считать меня сентиментальным идиотом, а в худшем – психом.

Ханна

– Нет, – говорит Сойер. – Это... Это было круто. Я просто...

– Все нормально. – Ему не нужно ничего говорить, я сама все понимаю. Он хотел не *Beatles*, а что-то модное, современное, чтобы привлечь в паб молодежь. А я просто возвращаюсь назад на несколько веков и пою то, что, наверное, даже его дедушка считает древностью. Моя тяга к старинной музыке всегда сталкивалась с критикой со стороны публики.

Хотя, конечно, в этот паб она бы вписалась идеально... Он обставлен классически, но не старомодно. И чуть ли не по минимуму, по сравнению с другими барами, которые до такой степени забиты всяким хламом, что тебе еле-еле хватает места отпустить собственные мысли. Морские детали ограничиваются старыми лодками, в которых можно сидеть, и бочками в качестве столиков, вокруг которых можно стоять. Декор состоит исключительно из ламп, настоящих свечей, морских карт в рамках на стенах и пары-тройки растений. Тут ничего не стоит просто так, каждый предмет выполняет свою функцию. Создается впечатление, будто все здесь направлено на то, чтобы в центре внимания находились люди.

Щедро заполнена лишь стена позади бара, где сотни почтовых открыток показывают прекраснейшие места в мире, так что не видно ни сантиметра голой стены. Видимо, гости

посылают их Сойеру каждый раз, когда покидают страну.

При виде рояля у меня чешутся пальцы. Я так давно не играла – будет крайне неразумно начинать именно на прослушивании безо всякой подготовки. Но это уникальный шанс, и кто знает, повторится ли он когда-нибудь.

Есть одна песня, с помощью которой мне удавалось завоевать даже самую критично настроенную публику. Она могла бы стать моим прорывом и вывести из ливерпульских закоулков и переходов на большую сцену.

Я была так близка. Смогу ли я вообще спеть ее снова, после того как все проиграла?

Наверное, первые ноты я беру, просто чтобы узнать, возможно ли это. А потом льется магия музыки, и я бы уже не сумела остановиться, даже если бы очень захотела.

Nightingale Деми Ловато и в оригинальном исполнении начинается очень тихо, но я усиливаю этот эффект, почти шепчу, вместо того чтобы петь, прячу хрупкие тона за фортепьянными звуками и очень медленно выпускаю собственный голос из-под вуали музыки, пока не наступает момент в конце первого куплета, когда он впервые по-настоящему взлетает вверх.

В первом куплете песня набирает силу, голос делается высоким, свободным и чистым. Человек, о котором рассказывается в песне, ищет что-то. Что-то, в чем отчаянно нуждается. И знает, что оно где-то там. Припев выходит на такую высоту, словно стремится вынести голос исполнителя, мой

голос, за пределы этих стен и пронести над городом, чтобы его слышали.

Вот чего мне не хватало. Быть услышанной.

Теперь больше эмоций во втором куплете. Осторожность, рывок, затем смирение, снова надежда – и короткий неуверенный смешок, в котором кроется едва ли не отчаяние. Я всегда интерпретирую песни немного иначе, но лишить эту композицию сорвавшегося смеха там, где смеется Деми, было бы преступлением. Я бросаю взгляд на Сойлера, пока пою эту строчку. И его чертовски тяжело оторвать, этот взгляд. *Я тоже не знаю*¹⁸. Скорее всего, я бы продолжила просто смотреть на него – он ведь сегодня мой единственный слушатель, – но он слегка наклоняет голову, и теперь мне видно только поля его шляпы.

Второй припев совсем немного отличается от первого, и в то же время он абсолютно другой. Там, где в первом преобладала вырвавшаяся сила, сейчас властвует чувство. Моя героиня нашла то, что искала. Но она не уверена. Это оно? Может ли это быть реальностью?

Я склоняюсь над роялем и закрываю глаза на последних нотах припева, потому что начинается мое любимое место: бридж¹⁹.

¹⁸ Отсылка к строке второго куплета, которую в этот момент поет Ханна: I don't know.

¹⁹ Часть мелодии, контрастная по своему содержанию остальным отрезкам произведения, служащая переходом или возвращением к основной теме.

Бридж и последний припев в моей интерпретации позволяют показать все. В словах играют безудержная страсть, почти грубая злость, голосу позволено стать громче, хрипеть, царапаться, сердце бьется у самого горла, а по тому, что глаза становятся мокрыми, я осознаю, что все получилось. Секунда – и вновь переход к тихим тонам, тревожным вопросам, глубокому сомнению. Дыхание практически не попадает в живот, потому что его сводит от неуверенности. Меня буквально охватывает облегчение, когда песня вновь наращивает силу, когда мелодия – не текст! – дает понять, что героиня, черт побери, заслужила счастье, которое так долго ищет.

Последние слова угасают, за ними следуют последние фортепьянные ноты, и я вслушиваюсь в мгновение, когда песня растворяется и просто исчезает.

И вот ее уже нет. Я могла бы спеть ее еще раз, еще хоть сотню раз. Но она больше никогда не будет такой же, какой была только что.

Это я и люблю в музыке. Она трогает сердца, берedit души. А потом просто уходит, не оставляя после себя ничего зримого. Зато в людях она способна оставить глубокие неизгладимые следы. Может менять людей.

Сняв руки с клавиш, я поворачиваюсь к Союеру.

Но он... ушел. Просто ушел.

Теперь я действительно ничего не понимаю. Я все испортила? Может, для него это слишком попсово, может, слишком драматично... Может, эта песня не подходит его пабу,

все может быть. Но тогда мог бы сказать мне, что сыграть.

Я ведь не плохо спела. Или плохо? Нельзя же растерять весь талант и ничего не заметить, при этом думая, что у тебя хорошо получается. Или можно?

Мне казалось, что получилось даже больше чем хорошо. Замечательно. И искренне. Я глубже погрузилась в песню, прочувствовала ее сердцем сильнее, чем когда-либо прежде.

Почему этот парень просто вышел из зала, пока я ему пела?

Это не должно меня задевать. Я знаю, что хорошо пела. Но... я надеялась, что он тоже будет так думать.

Наконец он все-таки возвращается из задней комнаты и идет ко мне. Одна рука в кармане, другая – на затылке.

Я неловко приподнимаю плечи.

– Сыграть что-нибудь другое?

– Нет. Нет, это было... С ума сойти. Я... Я только не понимаю, что ты делаешь здесь.

Это застало меня врасплох.

– Прохожу прослушивание? До сих пор я думала, что план такой.

– Ты хорошо поешь.

– Спасибо. – На самом деле одного «спасибо» недостаточно. Его слова правда много для меня значат. Впрочем, не хватает еще какого-то «но».

– Но если бы я умел так петь, то давал бы концерты и выступал в больших залах и на стадионах, а не в пабах, о кото-

рых никто не знает.

– Никто из больших залов и стадионов не появляется на вокзалах и не просит меня об этом, – небрежно отвечаю я, однако внутренне уже на иголках. Мне известно, что люди говорят после этого. Почти все говорят одно и то же.

– Может, тебе поучаствовать в «Голосе»²⁰ или вроде того? В яблочко, Сойер. Прямое попадание.

Я подумваю, хочется сказать мне. Так было бы проще всего свернуть эту тему. Вместо этого я выбираю правду и осмеливаюсь сделать шаг туда, где будет сложно.

– Там я уже была.

Предплечьем он немного сдвигает назад шляпу.

– Что случилось, почему они не захотели тебя брать?

– Они захотели. Я спела *Nightingale*, как и сейчас. – Но не так хорошо, как сейчас. Тогда я гораздо хуже понимала эту песню, чем сегодня. – Все четверо повернулись.

– Ого. Это можно посмотреть на *YouTube* или где-то еще?

Вот здесь становится сложно.

– Нет. Я не пришла на встречу с наставником. Это означало, что я выбываю, и они даже не показали мое слепое прослушивание.

– Хм. – Он смотрит на меня. Наверное, не знает, что сказать. Меня трогает, что он беспокоится, как бы не обидеть

²⁰ Телевизионное развлекательное шоу по поиску талантов в формате вокального конкурса. На отборе члены жюри прослушивают кандидатов вслепую и поворачиваются, если готовы его принять.

меня неправильными словами. – Ты нашла что-то получше?

– Не смогла. – Будет лучше, если на этом он остановится.

Сойер шумно выдыхает.

– Тоже хорошо. Даже очень, почти идеально. Цена на твоё выступление взлетела бы до небес, если бы ты выиграла в «Голосе».

У меня на губах появляется улыбка. Спасибо, Сойер. Спасибо, что делаешь сложные вещи легче.

– Значит, песня тебя не отпугнула?

Он на секунду поднимает на меня взгляд, словно не понимает, что я имею в виду. Потом смеется, качает головой и смотрит на клавиши рояля.

– Нет. Просто... телефон зазвонил.

– Телефон. – Я всегда глубоко сконцентрирована, когда пою. Но тем не менее со слухом у меня все отлично. Ни одному из своих чувств я не доверяю больше, чем слуху.

– Да, – тянет он так убедительно, что я почти на сто процентов уверена, что он, во-первых, говорит неправду, а во-вторых, хочет, чтобы я это поняла. – Телефон.

– И кто звонил?

– Абонент недоступен.

На этот раз я не могу сдержать настоящий смех. В этом виновата его открытая улыбка; эти искорки, из-за которых его глаза кажутся одновременно и зелеными, и карими, и золотыми; и смутное подозрение, почему он на самом деле вышел из зала. Там, где сбоку его рыжевато-русые волосы вы-

глядывают из-под шляпы, видно, что они мокрые. А раньше не были. Также частично закатанные рукава, нижние края которых потемнели, указывают на то, что в задней комнате он быстро плеснул воды себе в лицо. Влажная ткань частично обнажает татуировки у него на предплечьях: справа – темно-красная змея, а слева – разноцветный зимородок, который расправил крылья и слетает с ветки. Потрясающая работа, они обе выполнены в акварельном стиле, скорее всего одним и тем же тату-мастером. Картинки выглядят почти трехмерными, а главное, зимородок идеально гармонирует с венами и сухожилиями под кожей. Мне чуть ли не силой приходится заставить себя отвести от них взгляд.

Вдобавок ко всему этот еще только что такой абсолютно уверенный в себе Соьер Ричардсон теперь будто... занервничал. Что не мешает ему и дальше улыбаться. А от этого, в свою очередь, у меня сердце уходит в пятки.

Извините, но где учат так улыбаться? Как он может так обезоруживающе честно признаваться в своем смущении, похоже совершенно об этом не беспокоясь? Выглядит так, будто он наслаждается этим волнением.

Во время прослушивания я расслабилась. У меня уже много лет не возникало проблем с боязнью сцены, и даже спустя столько времени они не вернулись. Однако сейчас покалывает в животе, словно я стою перед многочисленной публикой, полностью состоящей из людей, чье мнение для меня очень важно. А мы ведь здесь совсем одни.

– Значит, выступление будет? – осторожно спрашиваю я.

– Я разрыдаюсь, если нет. – Сойер дает мне знак рукой, чтобы я следовала за ним, и мы идем к бару. Пока я допиваю кофе, он вытаскивает толстую книгу в кожаном переплете. С виду ужасно древнюю.

– Вахтенный журнал, – поясняет он, заметив мой восхищенный взгляд, раскрывает его и показывает, что, невзирая на старинный внешний вид, внутри прячется актуальный календарь. Потом Сойер снова разворачивается и шагает к полке, заставленной бутылками с виски и джином, пробегается по ним взглядом. – Перейдем к твоему гонорару.

Я смеюсь:

– Будем считать, что я достаточно напилась кофе, чтобы обсуждать сумму.

– Ладно. Тогда, может, хочешь еще один? Или ведро? Годовой абонемент?

– Говори уже, сколько ты можешь заплатить. – Он наверняка заметил, что я очень хочу играть. Но все равно не буду делать это бесплатно. Музыканты, которые так поступают, обесценивают всех остальных и, следовательно, саму работу, которой они увлечены. Но... – Мы договоримся.

– Двести двадцать фунтов, – предлагает он. – За два с половиной часа, включая перерывы.

Я не подаю вида, что удивлена. Это честно. Не самая выгодная сделка в мире, но владельцы баров, которые предлагают реалистичное вознаграждение, вместо того чтобы де-

лать вид, будто предоставляют тебе бесплатную рекламу и большой прорыв в карьере, встречаются довольно-таки редко. Тем не менее меня тянет немножко поторговаться.

– Двести пятьдесят. И если понравится, буду играть дольше.

– Ты собиралась спасти мне задницу, а не губить, – спокойно отвечает он. – Двести тридцать. И бесплатная выпивка для твоих друзей.

– Двести пятьдесят. У меня нет друзей.

– Двести тридцать, и я одолжу тебе своих.

– То есть двести тридцать фунтов и бесплатные напитки для твоих друзей?

– И для меня. Идет? – Он протягивает мне руку.

– Договорились. – Мне нравится его рукопожатие. Крепкое и теплое, как будто сделка о том, что мы друзья, уже вступила в силу.

Он заглядывает в свое расписание.

– О'кей. Когда ты можешь?

– С десятого апреля. – От этих слов становится легче на душе. Постоянное давление ослабевает так внезапно, что почти начинает немного кружиться голова.

Он поднимает голову, и мы встречаемся взглядами.

– Это же почти через три недели.

А на что он рассчитывал? Что я приду петь в субботу?

Смотрела ли я когда-нибудь в такие интересные глаза? То, что они зелено-карие, я давно заметила, однако перелив цве-

тов словно гипнотизирует. Коричневые точки между зелеными во внутреннем круге радужки светлые, янтарные, почти золотые. Но к краю становятся все темнее.

Мозг посылает полезную информацию о том, что я уже достаточно долго на него пялюсь, и я прочищаю горло.

– Раньше не получится. До тех пор я еще буду ездить туда-обратно.

– Понятно. А если по вечерам я буду отвозить тебя домой? О боже мой, стоит только об этом подумать!..

– Раньше правда никак, у меня перед... переездом еще много дел.

– Хорошо. – Он листает вахтенный журнал-календарь. – Десятое апреля. Это пятница. Берем ее?

Я киваю, а прежде, чем успеваю вслух сказать «да», замечаю, что на эту дату в календаре уже стоит отметка, но мне не удастся прочесть ее вверх ногами. Сойер невозмутимо перечеркивает ее, после чего записывает на бумаге более крупными буквами: «ХЕЙЛ».

– И кому тебе теперь придется отказать? – тихо спрашиваю у него я. А себе задаю немой вопрос: почему он делает это ради меня?

– Одной пташке по имени Лиам Галлахер. – Он пожимает плечами. – Пусть приходит снова, когда вернет Ноа²¹.

У меня вырывается смех. Поразительно, как у этого пар-

²¹ Лиам и Ноэль (Ноа) Галлахеры – бывшие участники британской рок-группы *Oasis*. Из-за конфликта между братьями впоследствии группа распалась.

ня получается так быстро снимать напряжение. Он действует на меня почти как... сцена. Я ожидаю нервозности, ведь у меня для этого есть все причины. Но она не наступает, а вместо этого сердце вдруг наполняется храбростью, и я даже не представляю, откуда она берется.

– Бедный Лиам.

– Да. Но счастливый Сойер. Будет здорово, Хейл, жду с нетерпением.

– Правда? Ты даже не нарисовал сердечко вокруг моего имени.

Господи. Я действительно только что это сказала? Говорю же, без понятия, откуда это берется! Этот парень что-то со мной сотворил. Надеюсь, ничего, что отразится в анализе крови.

Сойер не опускает взгляд и удерживает мой. Не глядя рисует две дуги, соединяющиеся в кривое сердце вокруг четырех букв. И при этом срезает половину правой палочки у Л.

– Так лучше?

– Сойдет, – хрипло отзываюсь я. Сердцебиение резко меняет ритм. Я с невероятной остротой ощущаю каждый удар. В одно мгновение шутка превращается в нечто серьезное, и я осознаю, чем прямо сейчас занимаюсь. Беззастенчиво флиртую с этим парнем, притворяюсь перед ним Хейл, которой больше не являюсь, и заставляю его поверить, что все нормально.

Мама права, мне нужно заботиться совсем о других ве-

цах. Но дело не только в этом. Просто нечестно обманывать его только потому, что мне хочется жить обычной легкой жизнью.

Выбраться из тупиковой ситуации мне помогает случай, потому что в соседней комнате, куда недавно исчезал Сойер, раздается звонок.

– Кто-то стоит у черного хода. Наверное, доставка, или пиво привезли, или что-то типа того. Извини, я на минуту. – Коснувшись края шляпы, он широко улыбается и скрывается за дверью позади бара. Вскоре после этого я слышу, как он что-то говорит, а кто-то отвечает ему громким хриплым смехом. Потом ревет мотор, и их голоса растворяются в шуме.

«Это всего лишь работа, – мысленно повторяю я. – Ради этого я здесь. Чтобы петь».

Было бы мерзко притворяться перед Сойером, будто меня интересует что-то, кроме места на его сцене. А большего он и сам от меня не захочет, если узнает поближе.

Во рту появляется горький привкус, и я тянусь к ручке, которой только что писал Сойер, а второй рукой поддвигаю к себе подставку под пиво.

«Мне пора уходить. Буду здесь десятого апреля в 18:30. Хейл».

Затем бегу к сцене, натягиваю крутку и закидываю на плечо чехол с гитарой.

«У меня есть работа, – тихо твержу себе я, выскальзывая

через переднюю дверь. – Маленькая работа, но зато работа с моей гитарой. Я смогу вернуть себе небольшую часть того, что когда-то имела».

Снаружи меня ослепляет солнце над сверкающей гаванью в Брансуик-док. Пришвартованная моторная лодка с тихим скрипом ударяется в разрезанную пополам автомобильную шину, отделяющую ее от причала. Теперь я вижу и небольшую надпись на носу: «Мингалей».

Хотела бы я, чтобы все действительно было так просто, как казалось в последние полчаса. Хотела бы вернуться в Ливерпуль, домой, и продолжить жить так, словно ничего не произошло. Словно еще смогу вести нормальную жизнь.

Но для осознания того, насколько наивно это желание, мне хватает представить, как я бегу обратно к Сойеру Ричардсону с его гипнотическими глазами и зимородком на руке, чтобы сказать ему, куда должна сейчас отправиться.

Сойер

Твою мать, с какой же скоростью она сбежала? И почему?

Когда я уже готов сдаться, поскольку все указывает на то, что она ушла в другом направлении, мне все-таки удается заметить ее, идущую вдоль пристани. Сзади она выглядит как гитара на ножках, ее миниатюрная фигура полностью скрывается за огромным чехлом.

– Хейл, подожди!

Она оборачивается. Лиззи сказала, что девушка испугается, если я просто погонюсь за ней как влюбленная дворняжка. По крайней мере, в первой части она права (про дворняжку – нет) и ей хватило находчивости подбросить мне идею.

– Ты... Ты забыла медиатор. – Я протягиваю ей свой, на который она уставилась с таким видом, будто он в любой момент взорвется.

– Я играю без медиатора.

Я знаю. Она перебирает струны пальцами. Ее манера игры просто не сработала бы с медиатором.

Блин, неужели Лиззи со своими мудрыми советами и решениями на все случаи жизни не могла просто пойти со мной, чтобы подсказать, что на это ответить?

– Без? Как странно.

Ее взгляд говорит: «Да, все это сейчас *очень* странно». И она права, чертовски права.

– Разве тебе не надо уже открываться? – спрашивает Хейл.

– Только что пришла моя сотрудница. – А ты? Почему ты так неожиданно сбежала? – Настолько плохой кофе?

– Что? – Она растерянно смотрит на меня, потом у нее дергаются уголки рта. Кажется, что это происходит против ее воли. – Нет, он был хороший. Лучший за долгое время.

– Слишком много чести. Это всего лишь кофе.

– Ты даже не представляешь, насколько вкус кофе важен.

– Хочешь еще один?

Короткий вздох. Затем она говорит:

– Нет, спасибо. Мне нужно успеть на поезд.

– Но ты вернешься?

– Конечно. – Она хмурится. Здесь, на улице, при свете дня, ее глаза будто светятся. – Мы ведь договорились. С чего бы мне не вернуться?

– Прости. – Она права, опять права. Грубо обвинять ее в том, что она не появится на выступлении. Почему же часть меня тем не менее в этом сомневается? Есть в ней что-то неуловимое. И я бы очень хотел понять, что именно. Но стоит мне попытаться это поймать, она сделает шаг назад.

– Может, – осторожно задаю вопрос я и придвигаюсь к ней всего на полшага, – все равно возьмешь медиатор?

– Это правда не мой.

– Да, это мой.

Что-то в этом признании ее удивляет.

– Но я отдам его тебе, – продолжаю я. – Например, в обмен

на твой номер телефона? Идет?

– Нет, – отвечает Хейл. Это можно было бы расценивать как ясный отказ, который я бы спокойно принял (по крайней мере, пока она не скроется из виду). Вот только ее улыбка совсем не подходит для отказа. Она облизывает нижнюю губу, переносит вес на стоящую впереди ногу, приближаясь ко мне на миллиметр, и у меня в голове почти не остается мыслей: только вихрь смятения.

Я сам ненавижу парней, которые не понимают слово «нет», но... твою мать. Конкретно это «нет» я совсем не понимаю.

– О'кей.

Хейл откидывает локоны с лица, и ветер, дующий с Мерси, тут же возвращает их обратно. Я представляю себе, как отвожу ее волосы назад, так что пряди трепещут вокруг моих пальцев. Наверное, пора притормозить фантазию, у меня так пересохло во рту, что теперь я не смог бы сказать ни слова.

– Я... – начинает она, – у меня... в данный момент нет телефона.

В то время как мое заикание можно описать только как жалкое, она заикается самым очаровательным образом. Я теряюсь в идее отключить кислород нашему общему заиканию. Если сейчас я просто возьму в ладони ее маленькое личико и поцелую... Готов поспорить на что угодно, что она не оттолкнет меня ни на дорогу, ни за ограждение набережной. И не скажет «нет». Она ответит на мой поцелуй.

Мой мозг уже представляет вкус губ Хейл по мимолетному запаху ее кожи.

К сожалению, я абсолютно уверен, что после поцелуя она просто оставит меня здесь и уйдет.

Что-то в ней невозможно удержать. Оно испаряется. Мне бы скорее удалось поймать ветер или волны в гавани.

Последняя, отчаянная попытка, после которой я сдамся.

– Могу просто одолжить тебе его. Мой медиатор. А при возможности просто вернешь его.

Я искренне жалею о своих словах, видя, как она с трудом подбирает ответ.

– Сойер...

Да, а что еще ей сказать, если она не хочет оскорбить меня или обидеть?

– Черт, я просто идиот. Несу всякую чушь, а хочу просто...

– Я понимаю, – перебивает меня она. – Но я...

– Ты... этого не хочешь. – Скажи уже, Хейл. Быстро и безболезненно.

– Я...

Проклятье, что бы она сейчас ни произнесла, я так явно ощущаю ее взгляд на моих губах, как будто она касается их своими. Хейл ищет слова и выглядит при этом далеко не счастливой... но ее глаза светятся так ярко, словно утро после ночной грозы.

– Прямо сейчас мне нужна только работа, Сойер. Если это

проблема, то...

– Это не проблема. – Я выпаливаю ответ быстрее, чем успеваю о нем подумать. – Конечно нет. Извини, если я...

А затем очень медленно наступает понимание: я ошибся. Под трилби у меня на лбу выступает пот. Она хочет выступить. Поэтому пела так, что мне снесло крышу. Она флиртовала со мной только ради выступления. Она делала свою чертову работу, поскольку не знала, что выступление и так было у нее в кармане с самой первой ноты дурацкой песни *The Beatles* на вокзале.

Я киваю.

– Конечно. И медиатор тебе тоже не нужен.

Она едва заметным движением качает головой.

– Нет.

Больше всего мне хочется закинуть эту штуку куда подальше в воду, но вместо этого я заставляю себя по меньшей мере сделать независимый вид.

– Но я все равно жду десятое число. Будет здорово. – Может, мне стоит взять выходной на тот вечер, выкурить косячок, пойти в яхт-клуб и напиться там в хлам, пока они не вышвырнут меня оттуда. Да, это *будет* здорово.

– Да, точно. Что ж, значит... – У нее дергаются ладони, как будто она инстинктивно хотела дотронуться на прощание до моей руки или быстро обнять. Но, вовремя опомнившись, она просто просовывает большие пальцы под ремни чехла для гитары. Потом бормочет, что ей надо успеть на

поезд, и вот она уже ушла.

Тупая идея пойти десятого напиваться в яхт-клуб.

Почему бы не сразу сегодня вечером, да что уж там, прямо сейчас и в «У Штертебеккера»?

Так меня хотя бы никто не выгонит, когда начнет становиться весело.

Ханна

Я все сделала правильно.

Мимо меня проносятся леса, луга, дворы и поселки, а я все повторяю эти слова, хотя вовсе в них не сомневаюсь. Я не рассказала маме про прослушивание, когда относила гитару обратно в свою комнату. Она бы обязательно прочла лекцию о том, что сейчас у меня на самом деле другие проблемы. И она права. Наверное, только потому я и не хочу это выслушивать.

От вокзала Саутпарк до дома номер один по Рофффорд-стрит около десяти минут пешком. С первого шага этого пути кажется, будто я пробираюсь сквозь густую массу, а каждый следующий требует все больше усилий. Под конец ноги словно начинают весить тонну, кровоточить и липнуть к асфальту, а все тело кричит: «Развернись! Уходи куда-то в другое место. Плевать, в какое. Беги!»

Разум может быть сколько угодно прагматичным, понимая, что нужно идти дальше. Но инстинкт все равно хочет убраться отсюда.

Каждый чертов день я оказываюсь сильнее, чем инстинкт, минуя шлагбаум и здороваюсь с ворчливым охранником, сидящим в прокуренной стеклянной камерке. Шаги до железных ворот хуже всего. Жестяной звон дверного звонка, жужжание камеры, пока она поворачивается. А затем по-

что успокаивающее гудение, когда ворота открываются. Мне приходится навалиться на дверь всем весом, чтобы она распахнулась, а потом медленно захлопнулась у меня за спиной. Возможно, я чересчур восприимчива к звукам, однако от скрипа, с которым закрываются эти ворота, и у более стойких женщин случались панические атаки.

Сегодня мне удастся держать в узде ледяной ужас. Как полагается, я сразу иду в первое серое малоэтажное здание с надписью «Тюремное руководство». Сотрудница за стойкой коротко приветствует меня по имени, печатает что-то в компьютере и сверяет время, на которое меня выпускали, по большим электронным часам над письменным столом. Снова что-то печатает. Что я пришла вовремя, полагаю. Я всегда прихожу вовремя. Ее коллега направляется ко мне с алкотестером. Она весело пожимает плечами, пока я дую в трубку. Мы обе знаем, что я соблюдаю правила, но ведь это ее работа – проконтролировать меня по возвращении.

Я сдаю личные вещи, которых и так не много-то осталось. Если бы я взяла у Сойера медиатор, мне бы пришлось положить его на поддон.

Меня ощупывают, а я надеюсь, что сегодня мне выпадет счастливый жребий: анализы мочи и крови делаются выборочно. Это унижительно, но я никогда не издаю ни звука. Программа перехода от закрытого содержания на условный срок, которая позволяет выходить из тюрьмы на несколько часов в течение дня, – это новый проект в женском испра-

вительном учреждении закрытого типа в Саутпорте. Она отлично зарекомендовала себя в Шотландии, но у нас многие относятся к открытой тюрьме скептически. Меня включили в программу на последние несколько недель перед освобождением, чтобы я могла найти новую работу и жилье и легче влилась в обычную жизнь. Но предписания очень строгие, и единственной ошибки будет достаточно – например, одного опоздания из-за упущенного поезда, – чтобы поставить под угрозу как мое участие, так и досрочное освобождение.

– Все чисто, – улыбается тюремщица. – На сегодня все.

Я с облегчением ее благодарю.

– От мисс Тэтлок мы, кстати, тоже скоро избавимся, – кричит женщина за компьютером напарнице. Она часто ведет себя сварливо и пренебрежительно, но, думаю, она не со зла. Скорее всего, в такой профессии необходимо выставлять четкие рамки.

Вторая сотрудница новенькая, пухленькая женщина с рыжими волосами и красными щеками. Она гораздо добрее, и, по-моему, я ей нравлюсь.

– Правда? Я так и думала. Ты сегодня выглядишь такой расслабленной, Ханна.

Так и было. На пару мгновений я ощутила себя свободной и не думала о тесных стенах, железных решетках с колючей проволокой и запертых дверях.

Интересно, сегодня днем все прошло бы так же, знай Сойер, кого нанял в свой паб?

– И когда же настанет этот день? – спрашивает рыжеволосая надзирательница.

Мне приходится сделать очень глубокий вдох, чтобы произнести всего два слова:

– Десятого апреля.

Ханна

Двор и общие комнаты будут открыты для всех еще несколько минут, но я нигде не могу найти Мию, поэтому иду напрямиком в нашу камеру. В тесном, вытянутом как труба помещении слева находится письменный стол со стулом, который можно задвинуть под стол до самой спинки, чтобы пройти мимо него. За ним два высоких узких шкафчика относительно прикрывают унитаз и раковину размером не больше тарелки для мюсли. Напротив письменного стола стоит двухъярусная кровать. Наше окно выходит на север, и это означает, что в эту комнату никогда не заглядывает солнце. Зато за решеткой и узкой полоской двора, прямо по ту сторону колючей проволоки, видны луга, где иногда пасутся коровы с телятами. Впрочем, наблюдая за ними, я успокаиваюсь всего на долю секунды. Затем появляется мысль, что, по всей вероятности, когда-нибудь их отправят на бойню.

– Как прошел свободный день? – Мия лежит на спине на верхней койке, уперевшись босыми ногами в покрывало и облокотив на бедра блокнот для рисования. – Прослушивание стоило того, чтобы пропускать йогу?

– Можно и так сказать. – А это кое-что значит! С тех пор как мисс Бентон на волонтерской основе начала вести йогу в женском крыле, мы с Мией не пропустили почти ни одного занятия. Мисс Бентон около восьмидесяти, однако в плане

гибкости и терпения она превосходит всех нас.

– Это значит, что тебя взяли?

– Да. – Усевшись верхом на наш единственный стул, я рассказываю Мии, как прошел день, включая недопонимание с матерью, которая считает абсолютно неправильным планировать выступление, пока у меня даже работы настоящей нет. В некотором смысле она права, поскольку одно из условий досрочного освобождения заключается в том, что я должна прилагать серьезные усилия, чтобы устроиться на честную работу. Но я подала несколько заявок, и ответы на них не придут быстрее, потому что я просто *не* пою. Пока я говорю о прослушивании, Мия прекращает рисовать. Иногда она о чем-то переспрашивает или смеется. Особенно когда я пересказываю слова Сойера.

«Я буду по ней скучать», – проносится в голове непрощенная мысль. Кто бы мог подумать? Мое уголовное дело заканчивается там, где дело Мии только начинается, и в первые недели я жутко ее боялась. Два маленьких шрама на моем теле доказывают, что страх был не совсем беспочвенным. Но даже если вы ненавидите и боитесь друг друга, рано или поздно все равно начинаете разговаривать, когда никого другого рядом нет. Вы становитесь честными, когда ложь больше не дает вам никакого преимущества. А когда так много времени проводите вместе и часто обмениваетесь откровениями, то узнаете друг друга ближе. Заглянув за внешний фасад, выясняете, что даже за яростью, ненавистью и непри-

нятием могут таиться лишь одиночество и безнадежность. В какой-то момент за долгие месяцы нашего закрытого содержания, в котором каждая ночь растягивалась до бесконечности, и появилось чувство, что нам предстоит состариться тут вместе, – мы стали подругами.

– И знаешь, что я тогда ответила? – Меня запоздало подташнивает, когда я только об этом думаю. – Спросила его, не хочет ли он нарисовать сердечко у моего имени.

Мия переворачивается в кровати на живот и смотрит на меня вниз.

– Не могла ты такого сказать!

– Через секунду я подумала то же самое. Но сказала. А он просто молча так и сделал.

– А он умеет флиртовать. Да и ты тоже.

Я сама растерялась от того, как это было легко. И как приятно. Хотя и глупо.

– Бьюсь об заклад, он красавчик.

А я бьюсь об заклад, что у меня горят щеки, пока я пытаюсь описать ей Сойера.

– Он... классный. Не как тот парень из рекламы нижнего белья, который висит у тебя над спинкой кровати. А скорее как кто-то... настоящий. Приземленный, но при этом уникальный, понимаешь? Мне это нравится.

– Расскажи подробней, – просит Мия. – Давай же, Ханна, самый горячий парень, которого я увижу вживую в ближайшие месяцы, – это Сальный Калетти.

Мы, как обычно, издаем синхронный звук, будто нас тошнит. Нас обеих воротит от самовлюбленного надзирателя Калетти, которого за версту чувствуешь по запаху парфюма, когда утром он входит в наше крыло. Ни для кого не секрет, что он предоставляет привилегии женщинам-заключенным, если они *ведут себя с ним чуточку любезней*, и мы обе уже убедились, что если какая-то девушка не принимает его сальные приставания, то он неизбежно начинает точить на нее зуб.

– О'кей, убедила. Итак, у Сойера невероятно красивый голос.

– Обо мне ты тоже так говорила!

– Потому что это правда!

В голосе Мии чувствуется такая глубина и что-то одновременно хриплое и мягкое. Как будто гладишь бархат против ворса.

– Но в твоём случае меня это так не заводит.

Мия смеется.

– Как он выглядит? Темные волосы? – Мия обожает темноволосых.

– Думаю, рыже-русые. На нем была шляпа, а в прошлый раз, на вокзале, – шапка.

– Тогда у него наверняка вообще нет волос. Или, по крайней мере, недостаточно, чтобы за них потянуть.

– Даже если и так! Не будь такой легкомысленной! У него пирсинг: несколько сережек в ушах и одна в брови...

– А значит, точно и кое-где еще!

– Как знать? И татуировки.

Этого Мии хватает, чтобы замурылкать. Тату в ее списке стоят даже выше, чем густые темные волосы, у нее самой их много.

– Рассказывай дальше!

– Говорю же: он... уникальный. У него разноцветный зимородок на предплечье. – И это определенно не тот тип татуировок, на который рассчитывала Мия. – Среди прочего. И он немного выше меня.

– Зимородок?

– Парень!

– *Немного* выше тебя? Да ты еле до дверной ручки достанешь, птичка.

Вместо ответа я показываю ей язык. Она преувеличивает. Сильно.

– Ну, так у тебя хотя бы не будет затекать шея от поцелуев, – произносит Мия, а я думаю, что лучше бы она не заводила разговор о поцелуях.

– У Сойлера невероятно красивые глаза, и он... в каком-то плане смелый. Он волновался и не скрывал от меня это. Он не из тех, кому обязательно нужно устроить шоу.

– Нарисовать тебе сердечко и так было чертовски клевым шоу. Судя по всему, вы оба безнадежно запали друг на друга. Но что пошло не так?

У меня вырывается стон:

– Я сбежала.

– Ты...

У Мии большие широко раскрытые карие глаза и красивые губки бантиком идеальной формы, из-за чего выражение ее лица всегда выглядит немного удивленным. Когда я сейчас поднимаю на нее взгляд, она смотрит на меня с настоящим удивлением.

– Но почему? Он же тебе понравился.

Это, кажется, очевидно.

– И он рисует тебе сердечки. *Сердечки*, птичка! Более четко показать, что хочет с тобой переспать, он бы просто не мог, не рискуя получить пощечину.

– Дальше хуже. Он побежал за мной, и... мы стояли вместе в порту, а он даже куртку не надел. Черт.

– Что?

Я кладу руки на спинку стула перед собой и утыкаюсь в них лбом.

– Это было мило. И наверняка он больше не попытается флиртовать со мной, потому что я его так отшила.

– Почему, птичка? – Теперь Мия говорит очень тихо, и я понимаю, что она и сама прекрасно знает ответ на вопрос.

– Мне пришлось бы все ему рассказать. А тогда...

– Ты никому ничего не должна.

Я вздыхаю. Мне известно о ее опыте и выводах, которые она из него сделала. Мия не в первый раз сидит в тюрьме и уверена, что не в последний. «Ты навсегда и слишком глубоко застреваешь в болоте, если родился в нем», – всегда го-

ворит она.

– Честно, Ханна. Не говори ему. Ты женщина. Может, в парнях и появляется что-то притягательное, после того как они побывают в тюрьме. Это дерзкие ребята, крепкие орешки, они это выдержали. Но мы? – Она презрительно фыркает. – Мы, женщины из тюрьмы, для приличных парней снаружи в лучшем случае грязные шлюхи, которые сгодятся на одну ночь. И им хочется выяснить, действительно ли нам это так нужно, что ради момента близости мы готовы участвовать в любых грязных играх.

Я пожалела о том, что наш разговор свернул в это русло. В прошлом Мию так ужасно использовали. Просто чудо, что она вообще до сих пор способна кому-то доверять. Лучше бы я ничего не говорила.

– А если тебе повезет чуть меньше, то ты напорешься на одного из этих уродов, которые в восторге от того, что их верная телочка готова наплевать на закон.

Кровать скрипит, когда Мия спускается вниз, а под конец спрыгивает. Она успокаивающе гладит меня по спине, и мне становится стыдно. Потому что я сижу здесь и ною о последних трех неделях, которые мне осталось здесь провести. У Мии же впереди еще четыре месяца. А жизнь, в которую она затем вернется, состоит из насилия, лжи и неудовлетворенных потребностей.

– В одном я тебе клянусь, – продолжает она. – Когда я отсюда выйду, начну все с нуля. И тогда никто не узнает, где я

была, тем более тот, кто мне понравится. Уеду куда-нибудь, где не будет ни одного знакомого лица, и начну сначала. Стану продавщицей цветов. И уже никто не скажет: «Глянь, вон шлюха из-за решетки, давай-ка выясним, насколько она испорченная». Это, птичка, – она берет меня за руку, – единственный выход. Выйди за эти ворота и больше не оглядывайся. И пусть никто не знает, что ты здесь была, особенно мужчины. Приличные воспользуются тобой, а остальные вернут тебя обратно.

Я в курсе историй Мии. Каждая из них подтверждает ее слова. У нее были подружки, друзья, партнеры, как-то раз даже жених, с которым они жили вместе. Ни один из этих людей здесь не появлялся, за исключением матери, которая, впрочем, сама чаще живет в тюрьме, чем на свободе.

Все остальные бросили Мию или даже втоптали глубже.

– Я тебе об этом напомним, – шепчу я, безмолвно обещая ей, что я ее не брошу. – О цветах. Буду настаивать на том, чтобы ты выполнила свою клятву. А до тех пор буду навещать тебя каждые две недели и бесить, чтобы ты о ней не забывала, идет?

Мия улыбается мне, как улыбаются ребенку, который рассказывает о наивных мечтах. *Ну разумеется, Санта-Клаус скоро придет.* Она отвечает:

– Конечно, давай.

Но она не верит ни одному моему слову. Да и как ей верить? Никто ведь никогда не приходил.

Она отстраняется от меня, берет с кровати резинку для волос и завязывает хвост.

– Ты хорошая, птичка. Я подозревала это еще тогда, когда сломала тебе нос.

– А я пообещала тебе, что дам сдачи – но только...

Мия ухмыляется:

– ...после того, как мы выберемся отсюда, чтобы у тебя не возникло проблем.

– Совершенно верно. Их я всегда оставляла тебе.

Она шумно выдыхает:

– Ты всегда изо всех сил старалась, чтобы у нас обеих их не возникло. Я сама все портила. Не думай, что я ничего не знаю.

Сначала я не знала, что ответить, но потом все-таки подобрала нужные слова:

– Я правда тебя не брошу, Ми. Не смогу. Мне будет очень тебя не хватать.

– Ладно, нытик. А пока мы обе не разревелись, пойдем на раздачу еды. Хочу хоть раз в жизни попасть не в самый конец очереди и получить не ледяные остатки супа с застывшим жиром.

Мы вместе идем к двери. Пока она еще открыта, но меньше чем через два часа ее запрут на ближайшие одиннадцать часов.

– Как бы помягче тебе сказать, Ми...

– О нет. Что суп все равно будет холодным, даже если

встать в самое начало?

Я любезно киваю.

– Но в том, чтобы быть первой, есть свой плюс: так ты сможешь выбрать себе лучшие кусочки застывшего жира.

Сойер

– Кто готовит коктейли, тот и выбирает сериал, – объявляю я, наливая водку и кофейный ликер в три бокала со льдом.

Билли, которая сидит рядом на кухонной стойке Седрика и болтает ногами, тут же отвечает согласием. Ничего удивительного: по части кино и сериалов наши предпочтения почти идентичны. У этой девушки есть вкус.

Оливия более критична.

– Ничего про любовные страдания, мафию или смерть детей и животных.

– И никаких динозавров, – добавляет Билли. После нашего последнего вечера классики черта с два я когда-нибудь снова посмотрю «Парк Юрского периода» с женщиной, которая работает на выставке динозавров в Музее естественной истории. Сколько чуши можно упаковать в фильм? И хотел ли я в принципе знать, что все это чушь?

Седрик услужливо предлагает сезон «Покемонов», из-за чего Оливия отрывает одну ягоду с грозди винограда из вазы с фруктами и бросает в него. Он пытается поймать ее ртом, однако она приземляется на пол и катится к кухонному островку. Высовывается огромная серая лапа, и длинные когти вонзаются в виноградину. Без понятия, как здоровенный кот Седрика вмещается под тумбочками. Видимо, кошки умеют

по желанию менять свое агрегатное состояние.

– И пожалуйста, никаких больше криминальных следователей, у которых проблемы с алкоголем, так у меня пропадет желание пить коктейль, – добавляет Ливи. – Что ты там делаешь, Соьер? Уверен, что туда входит тоник?

– Доверься профессионалу, – отзываюсь я и беру лимон.

– Похоже на колу, – заявляет Билли.

В этом и состоит мой план. Четвертый стакан я наполняю льдом и колой, и с долькой лимона он становится визуально неотличим от коктейлей.

Седрик сдерживает усмешку. Он никогда не подает виду, но я знаю, что втайне он рад, что его напиток выглядит так же, как наши. С зимы он опять принимает лекарства, с которыми нельзя пить спиртное.

– О'кей, согласен, – говорит Седрик. – Выбирай ты. Но мое условие...

– Еще условия?

– Только одно. Никаких цепляющихся песен.

Билли давится смехом.

– После «Бумажного дома» он целый месяц пел *Bella Ciao*.

С утра до ночи. Это правда было тяжело.

– Тяжело тебе или ему? – уточняю я. Ее ответ сильно повлияет на мое решение.

Седрик говорит: «Билли», в то время как Билли отвечает: «Седрику!» Удовлетворенно кивнув, я раздаю бокалы. Меньше всего на свете мне хочется бесить Билли. Она вер-

нула мне лучшего друга, каким-то образом ей удается постоянно удерживать его в нужном русле, несмотря на его депрессию (сбегать – это нормально), благодаря ей его квартира теперь даже выглядит как дом, а не как декорации для рекламы полужирного маргарина. Теперь он регулярно ходит в университет, вместо того чтобы драить свое жилище.

А вот позлить Седрика – это другое дело. На это я имею полное право.

Я поднимаю свой стакан, ухмыляюсь, глядя на них, и с абсолютно безобидным видом чокаюсь с Седриком.

– За хороший вечер. Будем смотреть «Ведьмака».

После первой серии я возвращаюсь обратно на кухню, чтобы приготовить всем еще порцию «Филадельфии» с тоником. Билли и Оливия на диване в гостиной обсуждают, кто из актеров и актрис должен занять освободившуюся комнату в квартире Ливи. И конечно же, очень скоро рядом со мной появляется Седрик и прислоняется к дверному косяку.

– Я не удержался. – Было бы легко заявить, будто я не знал, что бард Лютик будет вести себя как все барды: сочинять суперприлипчивые песенки. В ближайшие недели Сиду с его странным пунктиком будет с ним очень весело.

– Все в порядке, а то я почти забыл, за что тебя ненавижу, – любезно отвечает Седрик. Он умеет хладнокровно реагировать на происходящее.

– Обращайся. Еще одну «Псевдофиладельфию» с тони-

ком?

– Само собой. Реально классно получилось.

– Да, радуйся, что пригласил меня, мужик. – Я достаю колу из холодильника. – Не все умеют разливать по стаканам псевдо-фило-пойло.

– Радуюсь. – Седрик берет у меня колу, и мы чокаемся бокалами перед открытым холодильником. – Здорово, что у тебя наконец снова нашлось время.

– Согласен. – Мне правда жаль, что я не пришел раньше. Они втроем уже приготовили еду и поели, а я до последнего сомневался, объявится ли Лиззи, чтобы сменить меня в пабе. И, честно говоря, уже собирался все отменить.

– Что случилось? – спрашивает Сид. С ним действительно надо быть осторожней. Одна-единственная мрачная мысль, и Седрик бросается вперед как полицейский пес, почуявший дичь.

– Я... – На самом деле я хотел переключиться на другие мысли. Но так как Седрик сам спросил... – Сегодня днем я разговаривал с Крис.

– Ох. И... плохо прошло?

Я пожимаю плечами.

– Все прошло так, как и ожидалось. Пока она... пока она чуть не расплакалась.

Черт. Чувствую себя паршивым грязным ублюдком. Во-первых, потому что после нашего разговора Крис не почти, а по-настоящему заплакала. А во-вторых, потому что однажды

сам считал Сиду самым паршивым и жутко грязным ублюдком, когда раньше она плакала из-за *него*.

– Подожди, я не догоняю. – Седрик ставит стакан, а я между тем делаю такой большой глоток, что от алкоголя и холода у меня замерзает мозг и начинает давить на глазницы. – Что вы с ней обсуждали?

– Что у нас ничего не получится. – Только сейчас до меня дошло, что Седрик мог ожидать чего-то другого. Наверное, он подумал, что я хотел перевести наши свободные отношения в статус прочных.

– О'кей. Почему нет? – Он качает головой. – Когда-то ты втрескался в нее по уши, и вам было хорошо вместе, разве нет?

Как назло, возразить мне нечего.

– Вы поссорились?

– Нет.

– Вам не о чем поговорить?

– Есть о чем, понятно? – Я уже теряю терпение. – Крис клевая. Нам было чертовски, просто *чертовски* хорошо. Она сексуальная и веселая, и мне есть о чем с ней поговорить. Она... идеальная. Я говорил, что она сексуальная? Видимо, я полный придурок, раз мне этого не хватает. Но...

Седрик криво ухмыляется, и, если честно... я готов ему врезать за эту ухмылку. Нечего тут ухмыляться, пока Крис, скорее всего, рыдает в подушку.

– Ты взрослеешь, Соьер.

– Чего ты вообще от меня хочешь, тупица? Вчера я был еще старше, чем ты. Что-то изменилось, а я не заметил?

В дверном проеме появляется лицо Билли.

– Вы что, уже переместились на кухню? А мы с Ливи хотели посмотреть еще одну серию. Или, может, весь сезон.

– Мы сейчас придем, – отвечает Седрик. – Пять минут, ладно?

Он хоть представляет, как смягчается его взгляд, стоит ему только посмотреть на Билли? Этим двоим достаточно просто находиться в одном помещении, и у тебя неизбежно возникает ощущение, будто ты отвлекаешь их от чего-то ужасно срочного.

– Знаю я твои пять минут, – снисходительно ворчит Билли и оставляет нас одних.

– Итак, обобщим факты, – говорит Седрик.

Я издаю стон:

– Пожалуйста, не превращай в научную работу мою личную жизнь, которой так неожиданно не стало. Сэкономь время на исследования своих камбал.

– Хрящевых рыб, – деловито поправляет он.

– Чего?

– Исследование, над которым я сейчас работаю, касается размножения европейских химер и скатов. Это хрящевые рыбы.

Я облакачиваюсь на холодильник.

– Когда-то у меня в меню стояли азиатские маринован-

ные крылья ската. Пользовались популярностью. Может, мне снова...

– Ты. Чудовище. – Он смотрит на меня так, словно я предлагал гостям жареных котят гриль. Ох уж этот эмоциональный морской биолог!

– О'кей, значит, никаких скатов на тарелках, оставим их в море. Не хочу, чтобы ты плакал. Все равно они были очень... хрящевыми.

– Я же говорю. Вернемся к нашей теме.

– Твою мать. Я думал, если взмахну этими крыльями скатов, ты обо всем забудешь.

Седрик безрадостно смеется.

– Но попытка неплохая.

Вероятно, у меня бы получилось, если бы речь шла не о Крис. Может, он никогда и не испытывал к ней настоящей любви, но ему на нее не плевать. Седрику ни на кого не плевать. Видимо, в этом его главная проблема.

– Я не хотел делать ей больно, – тихо и просто говорю я. Однако это пустые слова. Полые оболочки без содержания. Поскольку именно так я *поступил*. А в сухом остатке всегда остаются поступки, а не слова.

Вдруг Седрик делает то, чего еще ни разу не делал за всю свою жизнь. Он меня обнимает. А мне становится ясно, что я не имею ни малейшего понятия, когда вырасту, и вырасту ли вообще. Зато он уже давно оставил меня позади.

Несмотря на свои метр восемьдесят, он всегда был самым

маленьким в нашем трио. Во всяком случае, так казалось. Люк гнал всех вперед. Я не давал Люку и Седрику перегрызть друг другу горло. Седрик был младше всех. Словно младший брат с выдающимся музыкальным талантом, за которым всегда требовалось присматривать, потому что этот мир грозил его уничтожить. И хотя вселенная явно не оставила попыток его сломить, постепенно она поймет, что проиграла.

– Она переживет, – заявляет он и похлопывает меня по плечу.

– Конечно. – Я выдавливаю улыбку. – Тот, кто пережил тебя, меня два раза переживет.

Он качает головой.

– Ты повел себя честно по отношению к ней, Соьер. Ничего ей не обещал. И закончил все, когда понял, что она не та, кого ты ищешь. Я прятался за депрессией, жалел сам себя и ждал, что грозы отпугнут Крис. Это... мерзко.

– Ты был молод.

– Мы все были, не так ли? Несмотря на мое кружение вокруг собственной оси, я уже тогда заметил, как ты разбираешься со своими проблемами. Ты всегда делал это правильно. В отличие от меня.

– О. То есть я никогда не ошибался, да? Ты был дрянным говнюком.

– И не горжусь этим. Но ты нормальный, Соьер.

– Услышать такое от тебя... Я тронут до глубины души.

– Смейся-смейся.

– Я абсолютно серьезен. – И он это знает.

На кухню заходит Оливия, берет один из бокалов и показывает его, глядя на свет.

– Мне бы правда не хотелось сейчас критиковать профессионала, но разве правильно, что в напитках тает лед, пока мы сидим с пустыми стаканами?

Я забираю бокал у нее из рук и пробую слегка разбавившийся водой коктейль.

– Профессионал говорит: «Идеально».

Седрик стонет:

– Неужели женщины, которые не дают парням один-единственный раз спокойно пообщаться, это те же самые, которые утверждают, что мужчины никогда не разговаривают?

Оливия выхватывает обратно бокал и тянется за другим, предназначавшимся Билли.

– Ты ходишь по очень тонкому льду, отпуская женоненавистнические шутки, *Седди*. – Она пригвождает меня предостерегающим взглядом. – Только попробуй ему помочь! Пусть пять минут томится в моей глубокой снисходительности.

Вскинув обе руки, я сглатываю и жду, пока Ливи отойдет к двери. Потом обращаюсь к Сиду:

– Они когда-нибудь поймут? Если мужчина говорит «через пять минут», значит, так и будет. И не надо каждые десять минут ему об этом напоминать.

– Мы включаем следующую серию, – с подчеркнутым весельем распевает Оливия на весь коридор. – Геральт из Ривии, мы идеееем!

– Суть в том, – говорит Седрик, как будто ничто и никто не отвлекло его от нашего диалога, – что пусть ты и считаешь Крис классной, но, похоже, больше ничего к ней не чувствуешь. Так зачем тебе тратить свое время? И ее?

Я пожимаю плечами:

– Не может же всегда быть великая любовь.

Сид задумчиво рассматривает колу.

Мужик, в *вине* истина. Не в коле.

– Нет, так и должно быть, – выдает он после непродолжительного изучения газировки. – И ни в коем случае ничуть не меньше.

Я залпом допиваю остатки коктейля.

– Что смешного? – спрашивает он.

А я даже не заметил, что негромко смеюсь.

– Что именно тебя – чувака, которого еще прошлым летом считал неспособным на отношения, я теперь прошу дать мне совет по отношениям.

Седрик демонстрирует редкую, но от этого не менее убедительную голливудскую улыбку.

– Главное в отношениях – это то, что для них нужно два человека.

– В большинстве случаев.

– Больше людей – это для продвинутых. Начни сначала с

простого. Сейчас есть кто-то на примете?

Еще как. Вопрос скорее в том, где.

– Соьер! – Актерская маска Седрика слетает. – Кто она?

– Я же ни слова не сказал.

– Твое лицо. – Для наглядности и безо всякой необходимости он тычет пальцем прямо мне в физиономию. А я ловлю себя на том, что на всякий случай ощупываю нос и подбородок. Вроде все в порядке.

– Тогда у меня к тебе один вопрос, *друг мой*. Когда ты в первый раз увидел Билли, что ты подумал?

– Честно? – Седрик почесывает подбородок и продолжает уже тише: – Я хотел зубами содрать с нее сатиновую ткань платья и выяснить, какая на вкус под ним ее кожа и будут ли ее соски...

– Ладно, понятно. – О таких подробностях мне знать не хотелось. – А с Крис до нее?

– Тогда мне было интересно, не будет ли она возражать, если я проведу пальцами вверх по ее ноге, дотуда, где она...

– Спасибо. Хватит. С Карлиной было по-другому? Или с какой-нибудь другой женщиной?

– На самом деле нет, – отвечает Седрик. – Не пойми неправильно. Я последний человек, который думает только о сексе. Но первые, самые первые мысли... Я имею в виду, когда ты впервые видишь классную девушку и еще не знаешь, какой у нее характер... о чем еще думать, если не о сексе?

– Хмм.

– Значит, ты познакомился с девушкой.

– Хмм.

– И не думал ни о чем другом, кроме как на том же месте ее...

– В том-то и чертова проблема, тупица. *Ни о чем* таком я не думал. Не так, по крайней мере. – Не как обычно.

Седрик прячет усмешку, но не особенно старается.

– А о чем ты думал вместо этого?

– Что у нее такой потерянный вид.

Почему ты выглядишь такой грустной? – думал я. И еще:

Что я, черт побери, могу сделать, чтобы это изменить?

– Еще раз, – спрашивает Седрик, на этот раз тише. – Кто она?

И вот мы подобрались к вопросу, который крутится у меня в голове с тех пор, как Хейл-кто-бы-она-ни-была вошла в мой паб и забрала с собой остатки моего разума, когда ушла обратно... Дав мне понять, что заинтересована исключительно в работе.

Я понятия не имею, кто она. Знаю только, что по-прежнему хочу это выяснить.

Часть 3

Мокрый парус и гребни волны,
И ветер летит вперед,
Наполнив белый шуршащий парус,
И бравую мачту гнет.
И бравая мачта гнется, ребята,
Пока, как орел парит,
Корабль оставить Англию спешит
С подветренной стороны.

*Отрывок из песни A Wet Sheet and a Flowing Sea,
Шотландская шанти*

Ханна

Три недели спустя

– Признай, что будешь скучать по чаю с перечной мятой.

Странно: только что мне хотелось разрыдаться, но сейчас я так хохочу, что край моего подноса ударяется о тележку для уборки, в которую я пытаюсь его задвинуть. С него чуть не падают тарелка и пустые чашки. Я в последний момент успеваю их поймать. И вдруг мне становится плохо.

В мозг впивается мысль о том, что у меня могло все выпасть из рук и вдребезги разбиться. Кто-то мог обвинить меня в том, что я сделала это намеренно.

Это абсурд, знаю. Никто бы не стал так поступать: с чего бы за считанные минуты до освобождения мне устраивать бунт и рисковать свободой? Тем не менее страх леденит затылок.

– Я по многому буду скучать, – признаюсь я, когда мы с Мией уходим из столовой. – Но по слабому чаю точно нет. – Я стараюсь не подавать виду, что внезапно остался лишь страх. Страх, что может прийти какое-нибудь письмо, которое помешает моему досрочному освобождению. Страх, что у меня не заладится жизнь на воле. Страх, что кто-то заметит, как я боюсь, и сделает неправильные выводы. Снова отнимет у меня то, что уже представляется таким близким. Таким близким, утешающим и пугающим.

Другие женщины, с которыми мы с Мией часто вместе сидели за столом, попрощались со мной, обняв и пожелав всего хорошего. И лишь в тот момент я осознала, что большинство из них больше никогда не увижу. Кажется неправильным и страшным не воспринимать выход из тюрьмы как то, чем он и является: шагом на свободу, шагом обратно в нормальную жизнь, шагом в верном направлении. Четырнадцать месяцев я ждала этого дня. А теперь почти все облегчение пропадает из-за этого страха.

Я не хочу так сильно бояться!

Мы выходим из здания, и нас встречает порыв прохладного ветра. Мия в нерешительности останавливается, и я понимаю, что теперь мы должны разойтись в разные стороны. Ей нужно в корпус D, где находятся рабочие помещения. Там мы с Мией день за днем завинчивали открывашки для бутылок и шариковые ручки и постоянно шутили: наверняка эту готовую ерунду перетащат в мужское крыло, чтобы парни снова все разобрали, а мы потом начали сначала.

Сейчас часть меня желает просто пойти туда с ней и продолжить. Зависимая, сломанная часть.

Однако мне надо вернуться в жилой корпус В, забрать свою сумку, явиться в административный кабинет для снятия с учета. А потом... Потом я уйду.

Интересно, папа уже тут? Он собирался специально приехать из Шеффилда, чтобы забрать меня и отвезти в Ливерпуль. До... домой.

Задрожав, я обхватываю себя руками.

– Все будет так, как я сказала, Ми.

Она наклоняет голову набок, и мне вспоминается ее просьба вчера ночью. Никаких слащавых прощаний. Она такого не выносит.

– Прощаться вообще нет смысла. – Я натянута улыбаюсь. – Скоро я приеду тебя навестить.

Мгновение Мия просто смотрит на меня, затем медленно качает головой.

– Ты совсем не поняла, что я недавно тебе говорила, да? Что нужно смотреть вперед, если не хочешь больше здесь оказаться.

– Так... Так я и сделаю. – Я ведь смотрю вперед, только вперед. Считаю минуты до выступления сегодня вечером, которое одновременно наполняет меня такой храбростью и внушает чувство, будто я колоссально себя переоценила. Я думаю о новой работе в туристическом бюро, которую получила благодаря рекомендации Аллена. Сначала с испытательным сроком, разумеется. Но у меня получится. Я так сфокусирована на будущем, что мне почти кажется, будто все мое прошлое вот-вот развеется за спиной и распадется в ничто. – Я же просто хочу тебя...

– Ханна! – Мия уставилась так, словно у меня не все дома. – Посещения и продолжение дружбы – это лишь слова. Все произносят их, но никто, абсолютно никто, кто по-настоящему хочет вырваться отсюда, на самом деле этого не

делает.

– Я сделаю это на самом деле.

От ее резкого «нет!» я как будто съеживаюсь.

– Птичка, ты хочешь начать сначала. Ты можешь. Кто из нас, если не ты? Но для этого тебе нужно отпустить все, что тянет тебя обратно.

– Ты не тянешь меня...

Она горько смеется, словно я ее оскорбила.

– Да ты же понятия не имеешь, кто я. Я же, наоборот, прекрасно это знаю. Я никогда полностью не вылезу из болота. Не будем обманывать самих себя.

– У тебя же есть планы.

Я бы приблизилась к ней, взяла за руку, как-то поддержала. Но она отшатывается, а ее взгляд становится точно таким же, как когда меня подсадили новенькой к ней в камеру: полный презрения и недоверия.

– Насколько же ты наивная, чтобы принять дурацкие фантазии за планы? Давай начистоту. Продавщица цветов, да? Неужели кто-то купит букет цветов у такой, как я?

Мне хочется ей возразить, но я не могу. Потому что, скорее всего, она права. Кто наймет на работу молодую женщину с затравленным взглядом, покрытыми шрамами кулаками и расплывчато наколотыми татуировками, поднимающимися вверх по шее?

Я не наивная. Просто дело в том, что мне это уже давно не бросается в глаза. Я вижу лишь Мию, которая рисует рас-

тения и беззвучно плачет в темноте.

– Да я ведь даже в цветах ничего не смыслю, – продолжает она. – Все, на что у меня есть планы, это вот. – Ее взгляд быстро обводит двор между корпусами. От железных ворот к каменной стене, а от стены движется вдоль ограждения из колючей проволоки. – И одно я знаю точно, птичка, так что лучше выслушай этот единственный совет. Он будет моим, мать его, прощальным подарком, и я разобью тебе миленький носик в кровавую кашу, если ты его не примешь. – Она тяжело сглатывает. – Не возвращайся сюда, разве что тебе понадобится контакт, о котором мы говорили.

Я помню, но мне это не нравится. Я с удовольствием выкинула бы из памяти, что у нас есть общий знакомый. А тем более то, что в какой-то момент, возможно, буду вынуждена его разыскать. Но такого человека, как Алек, нельзя просто так вычеркнуть из жизни. Я могла бы его забыть, невзирая на все, что случилось, это было бы не особенно сложно. Я настоящий мастер по части игнорирования определенных вещей. Особенно неприятных. Но не присутствие Алека в мыслях не давало мне спать по ночам. А понимание того, что я до сих пор присутствую в *его* мыслях. И не думаю, что вспоминает он о прекрасном времени, которое мы провели вместе. Я буду осторожна.

Наш общий знакомый – карта, которую мне придется разыграть, если осторожности окажется недостаточно.

– Забудь, что знала меня, – твердит Мия. – Забудь, что

была здесь, и начни сначала. Я хочу, чтобы ты использовала этот шанс. А я буду тебе только мешать.

Я раскрываю рот, чтобы поспорить с ней. Четырнадцать месяцев тюрьмы, а я так и не научилась держать рот на замке.

Однако Мия не дает мне произнести ни слова.

– Проваливай отсюда, птичка. Я никогда тебя не прощу, если ты вернешься! – На этом она разворачивается и уходит прочь по двору. Ветер треплет ее волосы. Мия поднимает капюшон и не оглядывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.